

Лана Барсукова

Ничего, кроме личного

Простая непростая жизнь. Проза Ланы Барсуковой

Лана Барсукова

Ничего, кроме личного

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Барсукова Л.

Ничего, кроме личного / Л. Барсукова — «Эксмо»,
2022 — (Простая непростая жизнь. Проза Ланы Барсуковой)

ISBN 978-5-04-173285-1

Герои Ланы Барсуковой учат нас жить, любить, находить компромиссы в отношениях с близкими, а еще — быть счастливыми, несмотря ни на что. Вместе с ними мы переживаем их жизненные удачи и провалы, сопереживаем и сравниваем с собой: «А ведь и у меня так было!» Эта сопричастность делает читателя не сторонним наблюдателем, а участником событий, происходящих с героями. Доверительная интонация, внимание к деталям и узнаваемые жизненные ситуации делают прозу Ланы Барсуковой чтением для души. Что случается, если чиновник хочет разбогатеть? Да не по мелочи, а по-настоящему. Он протягивает руку к народному добру. Конечно, не все так просто, у нас же умный чиновник. Разыгрывается целый спектакль с подставными лицами. Ничего личного, просто бизнес. Но, увы, эта избитая фраза неверна. Деньги поджигают фитиль человеческих страстей. Любовь, измена, дружба, ревность путают все карты. Хорошо продуманная схема трещит по швам. И уже неясно, чем закончится эта история, вовлекающая в свой оборот новых и новых лиц. Ясно лишь одно: бизнес — это очень личное, ничего, кроме личного. Перед вами почти детективная история, балансирующая между комедией и трагедией.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-173285-1

© Барсукова Л., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Пролог	7
Тихон Ерофеевич	11
Ольга	14
В добрый путь!	16
Чаепитие с Петуховым	21
Антон и Лена	24
Операция «Золотой элеватор»	28
Скунс – животное полезное	32
Виктор и Влада	37
На новом месте	43
Собеседование	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Лана Барсукова

Ничего, кроме личного

© Барсукова С., 2022

© Оформление ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Пролог

За год до основных событий

Осень была капризна, как избалованный ребенок. Погода менялась по десять раз на день. С утра осень милостиво соглашалась погреться в лучах уставшего и выдохнувшегося за лето солнца, но уже к обеду капризно надувала губки и закутывалась в шаль облаков. Под вечер и вовсе впадала в истеричные рыдания, забивая в крыши домов водяные гвозди.

Тихон Ерофеевич, чиновник федерального ведомства, не любил осень. Он подозревал, что поэты просто оригинальничают, восхваляя в багрец и золото одетые леса. Леса вдали, а вблизи раскисшая грязь и лужи. И чтобы в них не наступить, нужно внимательно смотреть под ноги. Не до багреца.

Вот и сегодня нужно пересечься с одним человечком.

В кафе звать не хотелось. Там, конечно, тепло и сухо, но ведь надо о чем-то говорить. А что можно обсуждать с человеком, который величиной с горошину? Мелкий предприниматель, погрязший в неудачах, не способен поддерживать светскую беседу. Его тянет поделиться проблемами, озвучить хронику битвы за выживание. Это как-то бестактно с его стороны. Особенно в такую погоду.

Пригласить к себе в кабинет – даже не обсуждалось. Их тандем не для публичного пространства. Тихон Ерофеевич периодически использовал мелкого предпринимателя Антона Петухова для своих схем, которые предпочитал хранить в секрете.

Чиновник был человеком неленивым и неглупым, а потому умел творчески обрабатывать возможности, связанные с потоком федеральных денег. Свое положение в должностной иерархии Тихон Ерофеевич определял как слишком ничтожное, чтобы определять русла денежных рек, но довольно приемлемое, чтобы стоять рядом и купаться в их брызгах. Словом, он был забрызган бюджетными деньгами по самые уши.

Вот и на этот раз Антон Петухов предоставил мелкие услуги, позволив использовать свою фирму как прокладку в сложной схеме. Предстояло с ним рассчитаться. Деньги небольшие, но банковским переводом не отправить. Только лично в руки, чтобы не оставлять следов.

Тихон Ерофеевич решил назначить встречу в лесопарке на окраине Москвы. Он собирался навестить сестру, давно зазывающую к себе на дачу. Как раз по дороге получится. Свернет с трассы, немного углубится в лесопарк и отдаст деньги. И место укромное, и беседовать не придется. Можно вообще из машины не выходить, через опущенное стекло деньги передать. Похвалив себя за идеальный план, он позвонил:

– Антон, привет!

– Добрый день, Тихон Ерофеевич. – Голос предпринимателя всегда звучал немного понуро.

– Я, как волшебник, могу сделать его еще добрее.

– Простите, не понял.

«Вот потому ты сопли на кулак и мотаешь, что соображаешь медленно», – усмехнулся Тихон Ерофеевич.

– Готов с тобой сегодня расплатиться. В смысле денег.

– Ух, это очень хорошо. У меня как раз у дочери завтра день рождения, она смешная, коляску для куклы хочет.

«Кому это интересно? И вообще зачем плодиться, если нет денег даже на коляску?» – скривился чиновник.

– Слушай сюда! – властно сказал он. – В восемь вечера я буду ждать тебя недалеко от кольцевой трассы, сверну там в сторону Лосиногостовского острова. Короче, подъезжай по МКАДу до съезда в сторону лесопарка, там встретимся. Только не опаздывай, у меня еще дел полно.

Собеседник молчал.

– Ты понял? – уточнил Тихон Ерофеевич.

– А может вы к какой-нибудь станции метро подъедете? – неуверенно предложил Антон. «Блин! У него машины, что ли, нет?» – презрительно заподозрил чиновник.

– Нет, мне неудобно это. Я же сказал, поеду на север по МКАДу. Какие там станции метро? Короче, мы можем в другой день, если ты никак.

– Нет, я доберусь. У дочки же день рождения...

– Тогда все! Жду! – И короткие гудки.

Антон Петухов потер нелепо свисающий нос, придающий ему уныло-печальный вид, и полез в гугл-карты. Он разобрался с маршрутом, прикинул, сколько может стоить такси, и пошел искать резиновые сапоги.

– Лена, ты не помнишь, где у нас сапоги лежат? – крикнул он в сторону кухни.

– Какие сапоги? – донеслось в ответ.

– Резиновые.

– На балконе, кажется. А зачем тебе?

– Нужно.

– Тогда ищи. – Лена зашла в комнату. – Застеклили бы балкон, так полочки какие прибили бы, разложили бы все в порядке. А так там черт ногу сломит.

Антон понял, что это намек. На благоустройство балкона не было денег. Точнее они были, но каждый раз какая-то другая трата оказывалась актуальнее. Балкон терпеливо ждал своего часа.

Из тепла комнаты Антон шагнул под дождь и начал рыться в домашнем хламе. Балкон напоминал изолятор для вещей перед их отправкой на свалку. Он шарил рукой в поисках гладкой поверхности и думал о том, что в детстве его резиновые сапоги всю осень стояли у порога. Они были такой же приметой осени, как запах мандаринов на Новый год. Теперь резиновые сапоги выручают лишь изредка. Да и мандарины уже не так пахнут.

Сапоги нашлись, настроение поднялось. А может и хорошо, что Тихон Ерофеевич его вытащил? Лес, дождь, грязь, а ему все нипочем. Он идет в сапогах за деньгами!

Завтра они с дочкой пойдут выбирать коляску для куклы. Любую. Он так и скажет: «Выбирай любую». Ему не придется загораживать спиной дорогие модели. Он просто отойдет в сторону и насладится моментом отцовской щедрости.

Жена Лена всплеснет руками и отругает их за дорогую коляску. Но лучше, когда жена ругает за мотовство, чем молчит из жалости.

Антон прокручивал в голове завтрашние сцены, бодро шагая в сторону лесопарка.

Позади остались метро и переполненная маршрутка. Предстояло углубиться в лес, чтобы срезать путь до места встречи с Тихоном Ерофеевичем.

Антон избегал давать оценку тому, чем с его помощью занимается федеральный чиновник. Себя он успокаивал тем, что он мелкая сошка, крошечный винтик странной экономической системы, которую можно считать русским чудом. Вроде бы власти воруют, но люди не в обиде. И вообще, размышления на эту тему он пресекал как бесплодные, печальные и опасные.

«Все так живут», – думал он, поскальзываясь на мокрой грязи.

Вдали показался контур машины, застывшей в ожидании. Антон заторопился. Будучи внутренне интеллигентным человеком, он стеснялся опаздывать.

– Добрый вечер. – Он постучал в окошко автомобиля.

Тихон Ерофеевич опустил стекло и оттуда дохнуло теплым воздухом с едва уловимой ноткой цитрусового аромата. Тихо звучала незнакомая музыка.

Антон многое бы отдал, чтобы посидеть в таком салоне. Его машина переживала очередную реанимацию в автомастерской, но даже при благоприятном исходе его старенький «Форд» был полон других запахов и других ощущений.

Тихон Ерофеевич хотел выйти и даже приоткрыл дверцу, но, взглянув под ноги, передумал. Месить грязь не хотелось. В багрец и золото одетые леса, говорите? Темно и сыро. Мерзко, одним словом. Его лицо отразило всю эту гамму чувств и усилием воли вернулось к выражению доброжелательного покровительства.

– Вот, Антон, заслужил. Что причитается, то твое, я слово держу. – И он протянул пачку денег.

Антон протянул руку, заметил, что она вся мокрая, попытался вытереть о куртку, но по ней тоже стекала вода.

В голове Тихона Ерофеевича мелькнула шальная мысль: «Может подвезти бедолагу? До какого-нибудь метро подбросить...» Но он представил себе, как запотеют стекла от мокрой одежды и сколько грязи останется на ковриках в салоне, и решительно прогнал эту бредовую мысль.

Однако Тихон Ерофеевич был человеком, не лишенным сострадания к ближнему. Порылся в бардачке и достал пакет. Засунул туда деньги и протянул Антону.

– Держи! Чтоб не намокли!

– Спасибо, Тихон Ерофеевич, – с чувством сказал Петухов. – Простите, что заставил вас ждать.

– Пустяки. Ну, бывай!

Машина зарычала благородным басом и, светясь красными улыбками задних фар, плавно тронулась с места. Ее путь лежал в Подмосковье, где уже топилась баня и сестра накрывала на стол. Где пахло очередным кулинарным шедевром. Где было тепло, сухо, вкусно, весело и расслабленно. Чиновник, рассчитавшись с Антоном, поставил точку в очередной сложной схеме и мог позволить себе немного отдохнуть.

Антон двинулся в обратный путь.

Идти с деньгами оказалось легче. Ноги тверже стояли на земле. Антон реже поскальзывался и чаще смотрел не в грязь, а в небо. Оно было таким же черным, но отличалось кардинально. Это была разница черного платья Шанель и черного халата уборщицы. Антон размышлял о таинстве цвета, когда его окликнули.

До конечной остановки маршруток оставалось совсем немного. Буквально еще один изгиб лесной дорожки. Троих парней,двигающихся по боковой тропинке, он принял за заплутавших пассажиров. Парни скользили по грязи и отчаянно матерились.

Когда они подошли ближе, стало ясно, что держать равновесие им мешает алкоголь. Он был в крови, а дополнительные дозы ждали своего часа в оттопыренных бутылками карманах.

Парни остановились полукругом и без предисловий спросили:

– Мужик, ты че борзый?

Антон подумал, что какую-то начальную фразу они явно пропустили. Не с того начали.

Парни так не думали.

– А че тут такое? – Один, весь какой-то верткий и крученный, примерился к пакету в руках Антона. – Хавчик? Поделишься?

Парни загоготали. У Антона стало жарко и тесно под курткой. Он стал поспешно прятать пакет в карман, но было поздно.

– Парни, он, по ходу, жадина, – продолжал кривляться верткий. – Он сам не отдаст, ему помочь надо. – И совсем другим голосом добавил: – Делись, сука.

Даже сквозь полумрак Антон заметил, как изменились их лица. Озорной кураж сменился озлобленностью, остервенелостью.

Тот, что стоял сбоку, дернул Антона за воротник, словно пробуя на прочность его куртку. Рефлекторно Антон ударил по руке. Этот жест сыграл роль спускового крючка. Завязалась драка.

На стороне Антона было преимущество в ловкости, восходящей к трезвости, и животная готовность драться за свой пакет до последнего. Но парней было трое, и, что хуже, алкоголь лишал их страха, освобождал от здравого смысла.

В какой-то момент тот самый юркий, исчез из поля зрения и только пыхтение за спиной заставило Антона обернуться. Смазано, даже не зрением, а каким-то наитием Антон понял, что на его голову опускается бутылка. Свист рассекаемого воздуха, горячая волна, смывшая все чувства, и полная тишина. Покой.

Когда Антон очнулся, дождь уже стих. Это была единственная хорошая новость. Остальные – так себе. Пакет с деньгами исчез. Из головы сочилась кровь и сильно мутило.

На подкашивающихся ногах Антон добрался до остановки маршрутки. Окровавленный, вывалянный в грязи, он не вызывал сострадания, лишь брезгливость и презрение. И только когда он упал, некрасиво размазывая слезы, милостивые соотечественники вызвали «Скорую помощь».

Так бесславно завершилось для предпринимателя Антона Петухова коммерческое сотрудничество с Тихоном Ерофеевичем.

Ни один из них – ни летящий в шикарной машине по Рублевскому шоссе Тихон Ерофеевич, ни лежащий на больничной койке Антон Петухов – не знал в тот день, что главная их сделка впереди. И ставка в ней будет куда крупнее.

Тихон Ерофеевич

У Тихона Ерофеевича были все данные сделать блестящую карьеру. Помимо ума и упорства он обладал редким даром подстраиваться под собеседника. Этому он научился не на курсах личностного роста, к которым питал брезгливую неприязнь. Так распорядилась природа. Тихон Ерофеевич был прирожденным хамелеоном, что проявилось раньше, чем он узнал это слово.

Правда, в отличие от глупого хамелеона, Тихон с детства питал слабость к иерархии. Его физиология имела свойство блаженствовать, когда он соглашался с теми, кто стоял на социальной лестнице выше его. Хоть на ступеньку, но повыше. По отношению к таким людям кивать, улыбаться и сигналить всеми изгибами тела о своем безоговорочном восхищении было не то чтобы не затруднительно, а приятно. Он доставлял вышестоящему собеседнику удовольствие, не напрягаясь, не насилуя себя, а лишь плывя по течению собственных душевных позывов.

Однако те, кто по каким-то причинам оказались ниже, знали, что Тихон может быть резким, порой дерзким и почти всегда грубым. Можно сказать, что Тихон был хамелеоном, но усовершенствованным, генно-модифицированным: у него мимикрировала только спинка, которую видели те, кто сидел на древе жизни на верхних ветках. Остальным же доставался неприглядный и однообразный вид его брюшка, окрашенного в тот редкий цвет, который не имеет названия в русском языке. И лишь поэтичные японцы, различающие сотни цветовых оттенков, назвали бы его цветом равнодушия, переходящего в презрение.

Можно лишь догадываться о причинах такой странной селективности и избирательной любезности. Возможно, в лабиринтах нейронных сетей у Тихона выстраивались сложные цепочки смыслов, типа того, что раз человек чего-то достиг, значит, не дурак, соответственно, он глаголет истину, внимай и благодари за доставленное удовольствие. Или, наоборот, рассуждения лузера не заслуживают внимания, раз он собственной жизнью доказал свою глупость. Но этот сложный мыслительный процесс пролетал так скоротечно, что Тихон не успевал его зафиксировать и потому искренне считал, что один человек вызывает у него неотвратимые позывы согласиться с ним, а другой безотчетно противен. Словом, Тихон не изводил себя сложными вопросами, а лишь поступал так, как ему велела его природа.

С детства он с удовольствием подчинялся воле учителей, испытывая радость от чувства единения с высшей волей. Так же восторженно он внимал словам начальников всех калибров, под руководством которых пролегал его путь наверх. Начальники хвалили его и продвигали со словами: «Очень приятный молодой человек. К тому же специалист неплохой». Правда, потом, оказавшись в его подчинении, недоуменно пожимали плечами и сетовали: «Как подменили мужика, будто с цепи сорвался».

Тихон Ерофеевич действительно сорвался с цепи. Он несся вперед и выше, предвкушая тот сладкий миг, когда вручит цепь от своего ошейника еще более высокому начальнику. И тот уже стоял, протягивал руки, ослепленный радужными переливами спинки ручного хамелеона. На каждой новой ступени карьерной лестницы Тихон заливался застенчивым смехом полного и безоговорочного согласия.

К сорока годам Тихон Ерофеевич достиг вполне весомого положения в обществе. Используя строительные аналогии, можно сказать, что он достиг нижних ступеней самого высокого этажа чиновничьей башни, откуда проглядывали небеса верховной власти, а люди внизу казались маленькими муравьями, упорно строившими свои смешные жилища. Тихон иногда разорял эти муравейники своими решениями, но без злобы. Просто интересно было посмотреть, как начнут бегать муравьи, спасая свое жалкое имущество. Но вообще-то муравьи его не интересовали. Тихон питал слабость к людям бизнеса.

Только в страшном сне он мог бы поменяться с ними местами. Предприниматели напоминали ему волков, которых ноги кормят. Себя же Тихон Ерофеевич считал волкодавом. То есть почти волком, но доминантного, исключительного положения. Ему всегда была гарантирована полная миска еды, и если идти к ней неспешной походкой сытого зверя, то звяканье цепи почти не слышно.

Тихон давно понял, что предприниматель – фигура несамостоятельная. Все, что у него есть, всего лишь деньги. И что? Деньги, как любил говорить Тихон, это «вообще ни о чем». Куда важнее тот, кто способен прорывать русла для денежных рек. Ключевая фигура – человек с киркой, на острие которой сияет печать. Взмахнул киркой, и разрешили устраивать казино. Потекли деньги по этому руслу. Но вот новый взмах властной кирки, и русло перегораживает дамба: тучный игорный бизнес отправлен в резервацию, в особо выделенные места. Такие противоречивые изгибы начальственной логики носили профилактический характер, чтобы помнили о важности тех, кто не покладая рук машет начальственной киркой.

Может, у тех, кто зарабатывает на «Ладу», бизнес как-то иначе устроен. Про эту шелупонь даже думать лень. Но применительно к крупному бизнесу у Тихона Ерофеевича сомнений не было. Предприниматели жалась к его ногам, как слепые щенки. Только он мог «порешать вопросы», открывающие перед бизнесом заманчивые горизонты. Благодарность бизнесменов зачаровывала количеством нулей. Называть это пошлым словом «взятка» мог только тупой обыватель или обкуренный журналист, свихнувшийся на свободе слова. Тихон Ерофеевич слыл величайшим мастером «решать вопросы», поскольку всегда удовлетворял интересы заказчика, не вступая в прямой конфликт с законом. Кирка, на конце которой грозовой тучей темнела печать, в его руках была подобна ювелирному инструменту.

Он знал, что без его поддержки многие свободолобивые и гордые бизнес-империи могли в одночасье превратиться в простую кучу денег. И чтобы такие кучи не захламляли деловые просторы, их быстренько вывезли бы в особые места под видом конфискованного имущества. Волки понимали это и потому преданно смотрели в глаза своему волкодаву, умирая от мысли, что в этом взгляде может полыхнуть ненависть, которую они питали к нему.

В узком кругу бизнесмены в бессильной злобе называли Тихона Ерофеевича «пидором», выражая тем самым свое неуважение к его нетрадиционной ориентации. Хотя понимали, что плюют против ветра. Даже тут Тихон сделал их, заблаговременно вписавшись в модный тренд исключительности. Все гадали, как это помогло ему сделать карьеру, но точными сведениями никто не располагал. Нехватку фактов, как водится, компенсировали домыслами. Достоверно было известно лишь то, что Тихон Ерофеевич ни разу не был женат.

Вспоминали случай, как на одном экономическом форуме благодарный банкир уговорил своего благодетеля заехать в Дом рыбака. Тихон согласился. Но к рыбалке, как водится, прилагалась баня, а к бане проститутки. Тихон выскочил, как ошпаренный. Сколько потом хлебосольный банкир ни оправдывался, называя девушек массажистками, Тихон его не простил. Вскоре банк был санирован. Впрочем, может, это простое совпадение. Однако никто не хотел проверять, совпадение ли это, и впредь никаких массажисток Тихону Ерофеевичу не предлагали.

Единственная женщина, которую Тихон Ерофеевич иногда брал с собой на светские мероприятия, была его сестра Ольга. Пара смотрелась странно, и непосвященные недоуменно разглядывали их. Среднего роста сорокалетний мужчина в безупречной физической форме и рядом она, полноватая немолодая женщина, повисшая на его руке. Не красавица, но и не чудовище. Одеты без лоска, но дорого. Ни с кем не общается, но внимательно рассматривает присутствующих.

И пока непосвященные пялились, недоуменно сводя вместе его дорогой костюм и ее уплывшую в молодость талию, умные и знающие люди наперегонки подбегали к странной паре, чтобы засвидетельствовать почтение. Целовали ручку и отвешивали комплимент спут-

нице Тихона Ерофеевича. Она щурилась, тихо смеялась низким голосом и говорила неизменное: «Да будет вам». В ее глазах читалось: «Прогиб засчитан, вольно». После чего посетитель светского мероприятия облегченно выпивал шампанское и с чувством выполненного долга уходил домой. Главное было сделано. В определенных кругах знали, что Ольга Петровна является фигурой весьма значительной. Это единственная женщина, имеющая влияние на Тихона Ерофеевича.

Ольга

У каждой женщины в жизни есть главный мужчина. У кого-то муж, у кого-то отец, у кого-то сын. У Ольги таким мужчиной был сводный брат Тиша. Все остальные – отец, муж и сын – присутствовали в ее судьбе, но не затмевали, а лишь оттеняли его достоинства.

Наверное, какой-нибудь дорогой психолог посчитал бы этот случай интересным и за очень солидный гонорар распутал бы историю отношений брата и сестры. Но Ольга на выстрел не подпускала к себе психологов, считая их всех без разбору шарлатанами. У нее хватало собственного ума, чтобы понять: отношение к брату основано на том, что она его сделала сама, собственными руками. Будучи женщиной рационального склада ума, она считала, что ценишь лишь то, во что вкладываешься. Самой крупной инвестицией в ее жизни был брат Тихон.

Когда его принесли из роддома, Оле исполнилось целых двенадцать лет. В этом возрасте девочки уже не хотят играть в кукол, даже в живых. Им интересны сверстники и мальчики постарше. Но Оля не пользовалась спросом на жестоком подростковом рынке романтических отношений. Вместо признаний в любви ей доставались смешки, почти всегда намекающие на ее полноту и неуклюжесть.

Девочке нужны глаза, в которых она видит себя принцессой. Обычно так на дочерей смотрят отцы: и на толстых, и на курносых, и на веснушчатых. Но проблема состояла в том, что Оля жила с отчимом. Когда-то ее мама решила, что пора сменить мужа. Маленькая Оля не поняла, чем новый дядя со странным именем Ерофей лучше старого папы, но ее никто не спрашивал. Отчим проявлял заботу об Оле весьма конкретно и, как ему казалось, конструктивно. При каждом удобном и неудобном случае он напоминал ей о пользе занятия спортом и призывал отказаться от сладкого. Даже записал ее в секцию бадминтона. С отчимом Оля вела партизанскую войну, пытаясь назло фашистам отморозить уши. Она прогуливала тренировки и всегда при Ерофее пила чай с пятью ложками сахара.

И тут в ее не самую радостную жизнь пришел брат. Оля влюбилась в него безоговорочно. Теплый, маленький, смешной и кривоногий, он состоял из сплошных достоинств. Тиша не мог над ней посмеяться. Не мог погнать на тренировку. Не мог отобрать сахар. Он вообще ничего не мог без нее. Все свободное время Оля проводила рядом с братом, переплавляя в любовь к нему все свои страхи и обиды на мир.

Деятельная натура Ольги выбрала Тишу своей мишенью. Она вообразила себя творцом, создающим лучший образец мужчины. Тихону предстояло стать эталонным экземпляром. Оля шлифовала его характер, затачивая Тишу под успех. Это была не просто дружба брата и сестры, но патронаж с ее стороны, опыт выведения лучшего парня на земле. Он будет не как зануда-отчим, и не как эти придурки, которые сопровождают ее прогулки с коляской криками: «Жирная бочка родила сыночка». Нет, он станет самым галантным и обаятельным. Но не просто так, а пользы ради.

Если другие мальчишки грубили учителю, щеголяя смелостью перед одноклассниками, то ее Тиша знал от умной Оли, что одноклассники с годами отвалятся, а оценки в аттестате останутся. Оля снабдила его верной навигационной системой, с помощью которой можно лететь к звездам. Но не к тем, что мерцают в ночи. Такие звезды не стоили усилий: путь дальний, а польза сомнительная. Нужны были вполне конкретные и осязаемые звезды в виде убедительной визитки и весомого счета в банке.

Оля была первой, кто узнал о нетрадиционной ориентации Тиши. Он признался ей в этом, пользуясь смягченной формулировкой «мне кажется». Мир рухнул, придавив своими обломками ее мечты о звездном брате. От досады Оля чуть было не крикнула: «Кажется? Креститься надо». Но подумала: а таким креститься можно? Удержала крик в себе, только боднула брата в плечо и ушла в свою комнату. Предстояло переварить эту новость.

При спокойном размышлении признание брата не показалось ей таким уж страшным. Оправившись от неожиданности, Оля разглядела новые перспективы. Порывшись в интернете, она с радостью открыла, что среди геев полно гениев. Тихон, конечно, не гений. Но, как выяснилось, что-то общее у него с гениями есть. Это не могло не радовать. Кроме того, на западе гейство уже давно никого не шокирует и даже тонизирует. Значит, рано или поздно каток прогресса проедет и по нашей улице. И пока изумленные натуралы будут копить злобу или призывать к толерантности, они с Тишей окажутся в пикантном сегменте людей, несущих похожий на радугу флаг нового времени.

«Они с Тишей». В этой фразе заключался еще один приятный бонус. Олю давно мучила тревога по поводу женщины, которая рано или поздно уведет у нее брата. В один миг тревога лопнула, как проткнутый шарик, наступила блаженная успокоенность.

Фигушки вам, дамы и мадамы, фрау и сеньориты. Даже забавно будет наблюдать за вашими обреченными на провал стараниями соблазнить Тишу и въехать на его заливке в рай. Ольга останется для него самой близкой, значимой женщиной на свете. Все останется как прежде. Ни одна стройная, длинноногая красотка не потеснит ее. Есть в этом какая-то высшая справедливость, ведь никто не сделал для Тихона так много, как Ольга. Его успех – это ее заслуга.

И хотя, конечно, с годами Тиша превратился в Тихона Ерофеевича, стал деловым и влиятельным, но по-прежнему самые серьезные вопросы он обсуждал с сестрой. Сначала в этом была необходимость, потом вошло в привычку. Без Ольги он не принимал ни одного важного решения, как верующий человек не начинает серьезное дело, не помолившись.

С годами Ольга еще сильнее расплнела, но так естественно и даже благородно, будто само довольство жизнью распирало ее изнутри. Отчим, запрещающий есть сладкое, давно умер, и никто не мог омрачить ее рандеву с тортиком. Муж Михаил не имел на то прав. Сын тем более. Они жили в квартире, которую им подарил дядя Тихон, и прекрасно понимали, что этим они обязаны ей, Ольге.

Так толстая девочка Оля, искренне любившая брата Тишу, стала влиятельной женщиной, перед которой заискивали персонажи деловых хроник. Правда, она осталась толстой, но теперь Ольгу это ничуть не огорчало.

В добрый путь!

Тхон позвонил сестре в пятницу поздним вечером.

– Привет! Не поздно?

– Смотря для чего, – ответила Ольга. – Если спокойной ночи пожелать, то ты опоздал, я уже сплю.

Брат хохотнул.

– Слушай, мне бы завтра с тобой пересечься. Дело есть.

– Что за дело?

– Не по телефону.

– Ну раз не по телефону, приезжай завтра к нам. Мой благоверный плов собрался делать, курдючный жир купил. Ты же знаешь, что лучше Михаила плов делают только в Бухаре. Слушай, он говорит, что зашел на рынок, а там настоящий кишлак...

– Оль, мне бы спокойно поговорить, без лишних ушей, – прервал ее Тихон.

– Даже так? Что-то случилось? – напряглась Ольга.

– Нет, все хорошо, но хочу посоветоваться... Короче, не по телефону. Давай в парке погуляем, рядом с твоим домом. Я часам к трем подъеду, нормально? Обсудить кое-что хочу.

– Ну тогда до завтра. Надеюсь, от меня не будет нести бараньим жиром на всю округу.

– От тебя всегда несет только оптимизмом и разумностью. Мне завтра это очень понадобится. Пока. Спокойной ночи. – И длинные гудки.

Ольга призадумалась. Тихон не был склонен к комплиментам. Отсылка к ее оптимизму и разумности сулила серьезный разговор. Впрочем, чем выше была должность Тиши, тем реже он беспокоил ее по пустякам. Значит, надо хорошо выспаться.

Ольга начала считать слонов и примерно на сороковом заснула спокойным сном человека, уверенного в успехе предстоящего дела. Еще ни разу она не подводила брата. Не подведет и на этот раз.

Лето в этом году выступило с места в карьер. В июне установилась бескомпромиссная жара, и люди сбегали из квартир в парк. Пришлось договориться о встрече в задней части лесистого массива, где было мало посетителей, зато много кустов сирени. Воздух пропитался сиреневым ароматом, и весь мир казался восторженно-возвышенным.

Ольга радостно вбирала в себя аромат начала лета и наслаждалась гармоничностью бытия. Вот сейчас погуляет с братом, обсудит его дела, а потом вернется домой, где муж Михаил приготовил плов. Кухня была местом его священнодействия. Даже манная каша в его исполнении претендовала на медленную дегустацию. Отчасти в своей полноте Ольга винила мужа, потому что остановиться в поедании его шедевров было решительно невозможно.

Мужа Ольга считала тылом, а с Тихоном чувствовала себя на передовой. Оба мужчины были любимы и необходимы, но у каждого своя роль. Ольга умела четко определять суть отношений и функционал каждого персонажа, которого она впускала в свою жизнь. Муж был для души и тела, а Тихон для социального позиционирования. Один успокаивал, другой тонизировал. Муж призывал остановиться и уловить радость, растворенную в каждом мгновении. Брат гнал ее вперед в жизненной гонке, внушая презрение к лузерам.

Муж – эстет, философ, кулинар, но по профессии обычный инженер. Фирмы, в которых он работал, по очереди шли ко дну. Его карьерная траектория напоминала серпантин заячьих следов, убегающих от волка. Михаил был зайцем, который убегал от волчьего оскала рынка. Тихон, наоборот, вошел в рынок, как нож в масло. Он не просто зарабатывал деньги, а получал удовольствие от процесса нахождения ситуаций, чреватых обогащением.

Разительный контраст мужа и брата вовсе не отменял искренней привязанности Ольги к ним обоим. В каждом она видела неоспоримые достоинства, которые делали ее жизнь мак-

симально комфортной. Такое разумное отношение к жизни Ольга считала залогом душевного равновесия, хорошего цвета лица и прочного материального положения.

Ольга увидела Тихона издали и помахала ему рукой. Она с удовольствием отметила его подтянутую фигуру, немного щеголеватую осанку. Даже на расстоянии чувствовалось, что идет мужчина, у которого все в порядке.

Ольга сорвала соцветие сирени, хотелось запасть запахом надолго. Пока Тихон будет рассказывать ей о неведомой проблеме, запах сирени удержит Ольгу в радостном возбуждении. В этом состоянии ей хорошо думалось.

– Привет, сестренка. – Тихон поцеловал в щеку. – Я тебя от плова увел?

– Плов не убежит. У тебя что-то стряслось?

– Да нет. Все стабильно, то есть хорошо.

Прошли пару метров молча. Вопрос «Зачем звал?» был таким очевидным, что Ольга даже не стала его задавать. Просто ждала.

– Видишь ли, – начал Тихон, – наклеывается весьма симпатичное окно возможностей, и было бы жаль им не воспользоваться.

Ольга не любила, когда брат начинал издали, а такая привычка за ним водилась.

– Давай без поэзии, Тиша.

– Какая уж тут поэзия? Грубая проза жизни. Можно даже сказать ее изнанка.

– А можно конкретнее? – Ольга понюхала сирень.

– Видишь ли, бывает так, что карман прохудился, туда завалился пятак, и никто этого не заметил. А пятак-то оказался ценным, антикварным. И кто подкладку вспорет, тому он и достанется. – Тихон задумчиво разглядывал парковые виды.

– Можно без твоих образных сравнений? Что за пятак? Чей карман прохудился?

– Узнаю сестру. Даже сирень не может настроить тебя на поэтический лад. – Тихон улыбнулся. – Ну тогда совсем конкретно: в одной области губернатор когда-то закурковал, то есть приберег некий объект, не выставил его на приватизационные торги. Для себя решил сберечь. Но неувязочка вышла. Пока готовил прокладочную фирму, чтобы от ее лица купить объект, нечаянно помер. Остался объект на балансе области. Новый губернатор сильно обрадовался и тоже решил на этом руки погреть, но тоже не успел. Не поделил чего-то с местным бизнесом, как-то жестко они схлестнулись. Бизнес сильно обиделся, и в итоге губера подставили. Разыграли, как по нотам, коррупционное дело. Сейчас, сама знаешь, это модная тема. Все как положено, со спецназом, с мордой в грязь. Короче, губернатор присел лет на восемь, а объект-то остался. И сильно он в цене подрос, прямо как тот антикварный пятак.

– Ты его себе хочешь взять? – Ольга определила самую суть проблемы.

– Хочу, сестренка, очень хочу. Надоело мне по мелочи, как курочке по зернышку клевать.

– Ну допустим, курочка по зернышку клюет, а весь двор в дерьме, – утешила Ольга.

– Согласен. Но мне сорок исполнилось. Может так кризис среднего возраста проявляется, но душа просит крупного куша. Очень уж объект хорош, прямо золотая жила.

– Что за объект?

– Элеватор в прибрежной зоне. На берегу Черного моря. Улавливаешь? С моими-то возможностями его запросто можно включить в логистику экспорта, там же порт рядом. Ну и заодно порешать вопрос с хранением госрезервов зерна. Это гарантированные контракты, сама понимаешь. При хорошем административном патронаже объект станет лакомым куском, это я тебе точно говорю.

– Правильно ли я понимаю, – задумчиво протянула Ольга, – что ты не хочешь на этот раз, как обычно, работать за комиссионные? Не хочешь просто сопровождать сделку и отдавать кому-то объект за скромное или не очень скромное вознаграждение? Хочешь целиком проглотить?

– Да, хочу в одну харю, – натужно засмеялся Тихон.

– Не подавишься?

– Я прикинул. Денег на покупку у меня хватит. Понятно, что нужно так все организовать, чтобы объект ушел по остаточной балансовой стоимости. Остаточная цена с учетом износа. Это примерно десятая часть от его рыночной цены.

Он выждал эффектную паузу.

– Десятая! Понимаешь?

– Конкуренты не набегут? Они же могут цену поднять.

– Не набегут. Задача трудная, но решаемая. Административный ресурс еще никто не отменял: потенциальных конкурентов или припугну, или посулю в дальнейшем как-то отблагодарить. Это все технические проблемы, я с ними справлюсь. На торги выйду единственным претендентом. Есть проблема посущественнее... – Тихон вздохнул.

Ольга кивнула, она давно все поняла.

– Ясно. Проблема тут одна: как чиновник ты не можешь владеть крупной коммерческой собственностью. Хочешь на меня оформить?

– На тебя было бы шикарно. Но сама знаешь, в какое время живем. Не хочется блогерам такой лакомый кусок кидать: у чиновника федерального уровня сестра владеет элеватором, на котором хранят госрезервы зерна. Они ж от возбуждения из штанов выпрыгнут. Я бы этим блогерам пальцы, которыми они по компьютерам тыкают, прямо молотком плющил.

Ольга аккуратно погладила руку брата, чтобы унять поднимающийся гнев. К блогерам Тихон питал глубокую неприязнь. Хорошо, что ему никто не давал в руки молоток.

– Тогда остается одно: уйти с должности, – невинным голосом сказала Ольга. – Пишешь заявление об уходе и переходишь в разряд предпринимателей. Тебя это не устраивает?

– Хватит издеваться, – Тихон укоризненно посмотрел на сестру. – Ты прекрасно знаешь, что если я напишу заявление об уходе, то куплю этот объект втридорога и никогда его не окуплю.

– Хочешь рыбку поймать и штаны не замочить?

– Хочу, сестренка, очень хочу.

Ольга еще раз поглубже втянула запах сирени и, подумав, сказала:

– Значит, что мы имеем? Есть потенциально привлекательный объект, но как чиновник ты его купить не можешь.

– Не могу. Вони не оберешься.

Ольга скривилась. Грубые выражения ее раздражали, а брат иногда злоупотреблял ими.

– Отказ от должности тебя не устраивает, – продолжила она сухо, – потому что объект будет прибыльным только при твоём административном патронаже. Я правильно излагаю?

– Я больше тебе скажу: без должности я вообще не смогу его купить. Кто его на торги по правильной цене выставит? Кто конкурентов уберет? Только я, пока служу отечеству. Такое по силам только государевым слугам.

Ольга улыбнулась и продолжила:

– Есть такая детская загадка: на одном берегу находятся волк, коза и капуста. Их надо перевезти на другой берег. Но в лодку входит только два пассажира...

– Знаю, там надо кого-то туда-сюда возить. Кажется, капусту. Или не капусту. Мне лень думать, но задачка не сложная.

– Можно подумать, что твоя сложнее. Ты хочешь и объект купить, и должность сохранить. Вариантов не много, ребенку ясно, что ты задумал.

– Что же я задумал? – Тихон с интересом посмотрел на сестру.

– Ой, только не делай вид, что ты придумал аферу века. Даже в вязании крючком больше вариантов, чем в ваших схемах. Ты решил купить этот несчастный элеватор на имя другой фирмы. То есть ты организуешь торги, а покупает некий Иванов Иван Иванович. Так?

– Так, – Тихон смотрел на сестру с восхищением.

– Риски понятны. Иван Иванович может ведь и забыть про тебя, как только получит объект в собственность. Чем думаешь подстраховаться?

– Деньгами. Он купит элеватор на мои деньги, которые возьмет у меня в долг.

– Ну это понятно. Договор займа. А еще?

– Еще? Пообещаю отписать ему часть собственности. Чтобы была замануха на будущее.

– Отпишешь?

– Это рано обсуждать. Посмотрю на поведение, – уклончиво ответил Тихон.

– Ладно, Иван Иванович Иванов на твои деньги покупает элеватор. Что потом?

– Потом? Потом я порешаю все вопросы, под завязку обеспечу элеватор выгодными контрактами. Обеспечу ему процветание на долгие годы вперед, пока там стены от старости не рухнут. И вот тогда, когда я выполню эту задачу, можно и с должностью распрощаться. Написать заявление об уходе по состоянию здоровья и уже на правах вольного человека забрать себе актив.

Ольга задумчиво понюхала сирень.

– Ну что ж, схема рабочая. Но она требует человека, которому ты полностью доверяешь. И достаточно трусливого, чтобы без резких телодвижений.

– Знаю. Об этом и хотел посоветоваться. Помнишь такого Антона Петухова? Я, кажется, о нем рассказывал. Он в схеме по обналичке участвовал.

– Фамилию помню, а Антона нет.

– Я его сто лет знаю. Разные общие дела были по мелочи, ни разу не кинул.

– Честный, что ли? – Ольга едва заметно усмехнулась.

– Не в честности дело. У него на кидалово ни амбиций, ни возможностей нет. Кучу проектов начинал, ничего не выгорело. Нормальной бизнес-темы так и не нашел, хотя не дурак и не лентяй. Сам понимает, что время первоначального накопления капитала закончилось. Кто успел накопить, того и тапки. Без меня у него особо вариантов-то и нет. Он, как бы сказать, немного недотепистый. Короче, генетический лузер. На кидалово у него кишка тонка.

Ольга слушала убежденную речь брата и чем больше он храбрился, тем отчетливее понимала, что Тихон трусит. Его можно понять. Действительно, риск велик. Некий Петухов занимает деньги и на них за смешную цену покупает элеватор, а потом без особых забот управляет им, обслуживая контракты, которые подгоняет Тихон. Петухов как хронический неудачник должен жить и радоваться такому варианту, чтобы в положенный момент с благодарностью вернуть элеватор его истинному хозяину. А если у Петухова в мозгу произойдет короткое замыкание? Вдруг он решит продать объект втридорога и вернуть Тихону первоначальную сумму? Все-таки Тихон не мафиози, чтобы страх перед ним был сильнее жадности.

А с другой стороны, схема-то рабочая. Жаль от такого варианта отказываться. Действительно, не всю же жизнь брату на работу в министерство ходить. Это же светская каторга. Они же, как каторжане, живут в своем изолированном пространстве, разъединенные с обычной жизнью. Любое их слово или злит, или смешит народ. Нет, прав Тихон, пора уже позаботиться о старости, прибрать к рукам какой-нибудь доходный актив. Так сказать, создать запасную площадку для будущей вольной жизни.

И Ольга решила дать «добро». Но ни в коем случае не пускать это дело на самотек.

– Что ж... Приводи своего Курочкина на чай.

– Петухова, – поправил Тихон.

– Пусть будет Петухов, лишь бы вел себя правильно.

Увядшее соцветие сирени полетело в урну. Решение принято, настала пора действовать.

– В добрый путь! – подвела Ольга итог встречи.

Тихон благодарно улыбнулся. Он не сомневался, что Ольга подставит плечо под его затею с элеватором. Они, как атлант и кариатида, выстоят вместе, чтобы в один прекрасный момент

страсти с небосвода звезды прямо в банковские ячейки. Ведь если звезды зажигают, значит это кому-нибудь нужно? Например, им.

– Кто не рискует, тот не пьет шампанское, – сказал Тихон.

Ольга скривилась. Банальности она не любила.

– Я пригласила не на шампанское, а на чай. Можно завтра. Посмотрим, что за птица этот Петухов.

Она, как в детстве, боднула брата в плечо и направилась к выходу из парка. Ее ждал плов. Пора возвращаться в свой тыл, где сытно, уютно, но немножко скучно. И как же хорошо, что рядом есть Тихон, подкидывающий ей такие задачки.

Чаепитие с Петуховым

Тихону не терпелось познакомить Ольгу с потенциальным владельцем элеватора. Буквально на следующий день он припарковал свой «Мерседес» около ее дома и нарочито небрежно обратился к спутнику:

– Слушай, Антон, раз уж оказались в этом районе, может зайдем, чаю выпьем? У меня тут сестренка живет.

Спутник неопределенно пожал плечами. Он производил впечатление скромного и печального человека, что подчеркивали узкие плечи и низко опущенный кончик носа.

– Да неудобно как-то, Тихон Ерофеевич. Незванный гость хуже татарина.

– Ну, это спорно. По мне так лучше, – Тихон дружелюбно хохотнул. – Сестра у меня классная, к ней можно просто так нагряться, без предупреждения.

Не дожидаясь возражений, Тихон набрал номер:

– Оль, ты дома? Я сейчас с товарищем поднимусь к тебе? Ну и славно!

Спутник вздохнул и вышел из машины.

Они пересекли двор, который вполне мог участвовать в конкурсе самых благоустроенных московских дворишков. Его содержание входило в пакет услуг, предоставляемых жильцам управляющей компанией. Тихон в очередной раз похвалил себя за правильный выбор дома для Ольги. Старый московский центр. Новомодные бизнес-кварталы раздражали его своей крикливой отделкой, напоминая нуворишей. Настоящие аристократы живут в старых домах, которые прячутся от плебеев в тихих московских переулках.

Но додумать эту мысль не хватило времени. Спутник заволновался:

– Как-то неудобно с пустыми руками. Может, в магазин заскочим?

– И что ты собираешься там купить?

– Ну, печенье какое-нибудь. Моя жена овсяное любит. – Окончательно смутился спутник.

Двор не вязался с овсяным печеньем.

– Не кипешуй. Мы ненадолго.

– Кипешуй? Слово-то какое! Давно хотел спросить вас, Тихон Ерофеевич. Вы вроде всю жизнь по ковровым дорожкам ходили, тяжелее ручки ничего не держали, а в разговоре у вас иногда проскальзывает что-то...

– Пацанское?

– Ну типа того.

– Так ведь по ковровым дорожкам разные люди ходят, – многозначительно подмигнул Тихон Ерофеевич. – Все, пришли.

Он потянул массивную дверь, и они вошли в солидный подъезд. Впрочем, подъезды бывают в хрущевках, здесь же раскинулось то, что называют забытым словом «парадное». На полу серые и черные плитки были выложены в шахматном порядке. Тихон непроизвольно старался наступать только на черные плитки. И с удивлением заметил, что его товарищ тоже семенил, подбирает шаг под серую плитку. «Как будто в шахматы играем», – подумал Тихон.

Сравнение неприятно поразило его, потому что в этой игре один другому должен непременно поставить мат. Его же сценарий не предполагал проигравших.

Петухов хорошо заработает, временно совмещая роли собственника и директора. Управлять активом Петухову труда не составит, ведь в министерстве стараниями Тихона Ерофеевича будет обеспечена поддержка. Петухову будут выпадать сплошные козыри: разные субсидии, невозвратные кредиты и прочие приятные мелочи. Это уж забота Тихона. А потом истинный хозяин заберет себе то, что по праву ему принадлежит. Возможно, он даже оставит Петухова директором. Или не оставит. Даст ему долю в бизнесе. Или не даст. Это уж как Тихон решит. Вообще знать, что чья-то судьба зажата в твоём кулаке, это удовольствие особого рода.

Успокоив себя этими мыслями, он вдавил кнопку дверного звонка. Спутник смешно попытался причесаться растопыренными пальцами и заранее улыбнулся.

Дверь открылась.

Приятная полная женщина радушно поприветствовала их:

– Милости просим. Хорошо, что зашли. Такую жару лучше под крышей переждать.

Гости переступили порог, и прохлада приятной негой обволокла их. Видимо, кондиционер работал на полную мощность.

– Знакомьтесь. Ольга, моя сестра, – с явной гордостью сказал Тихон.

Ольга протянула руку, и незнакомец растерянно ее пожал. Может, тут принято целовать ручку? Но целовать не хотелось. Хотелось пить.

– А это Антон Петухов, мой старый приятель.

От такого представления тот явно смутился.

Ольга приветливо улыбнулась Антону и пожурела брата:

– Что же ты не предупредил, что заедешь?

– Да мы и сами не рассчитывали. По делам ездили, а тут навигатор повел через центр, рядом с тобой оказались.

Антон Петухов явно чувствовал себя не в своей тарелке:

– Вы не волнуйтесь, мы только водички попьем, реально жарко.

– Ну уж нет, время обеденное. У меня плов вчерашний, мойте руки, – не терпящим возражения тоном объявила Ольга. – Муж готовил. А это значит, что вас ждет лучший плов в вашей жизни.

Мужчины побрели в ванную. Антон стеснялся остаться наедине с Ольгой и хвостиком следовал за Тихоном.

– Оль, а муж где? И где мой долговязый племянник? – из ванной прокричал Тихон.

– Гулять ушли. Кто ж знал, что вы заедете...

От воспоминаний, как она вытаскивала из дома мужа и сына, Ольга улыбнулась. Особенно возмущался сын, он вообще плохо переносил жару, но мама твердо запретила им возвращаться домой в течение ближайшего часа. «В кафе отсидитесь», – велела она.

Пока в ванной журчала вода, Ольга подвела краткий итог первому впечатлению. Кроме дурацкой фамилии у Петухова вполне заурядная внешность и, похоже, совсем не геройский характер. То есть первое впечатление было исключительно положительное.

Плов на второй день стал даже вкуснее. Мужчины ели с аппетитом. Петухов до того осмелел, что попросил добавки. Он немного размяк и уже не прятался за Тихоном.

Ольга внимательно наблюдала за гостем. Его опущенный кончик носа иногда напоминал ей унылую каплю на конце тающей сосульки, и тогда Ольгу охватывало почти материнское чувство сострадания к недотепе. Но вдруг Антон поворачивал голову, и его нос казался Ольге загибом клюва коршуна, отчего ей становилось неприятно и тревожно.

– Антон, а вы чем занимаетесь? – как бы между прочим поинтересовалась Ольга.

– Я? – он слегка подавился. – Бизнесом.

– Каким?

– Разным. – Антон слегка покраснел.

На помощь пришел Тихон:

– Оль, у Антона много разных интересных проектов было. Правда, в настоящий момент все лопнули. Но ничего, все впереди. Мы сейчас с ним ведем переговоры по поводу одной схемы. Да ведь?

Антон кивнул, не поднимая глаз на Ольгу.

– Ой, мальчишки, при мне ни слова о бизнесе, – прервала Ольга. – Терпеть не могу ваших деловых бесед. Я в них ничего не понимаю. Давайте лучше я кофе сварю. Или вы, Антон, предпочитаете чай?

– Я предпочитаю воду. У меня жена за здоровое питание, и меня приучила.

«Бедняга, у него еще и жена с приветом», – подумала Ольга. Впрочем, это хорошо, что женат, значит, не из этих.

Ольга из деликатности не спрашивала у Тиши, не гей ли Петухов, хотя фамилия ее насторожила. Теперь своим женским чутьем она уловила, что он натурал, обычный непривлекательный мужчина. Это тоже легло в копилку его достоинств, поскольку любовные страсти в деловых отношениях недопустимы.

Когда гости ушли, Ольга позвонила мужу Михаилу и велела возвращаться. Нечего в кафе деньги тратить, когда дома плов есть.

Вечером она связалась с Тихоном и вынесла вердикт:

– Ну что ж, это неплохой вариант. Пожалуй, можно начинать атаку на элеватор. Только ухо остро держать надо.

– Не ссы, сестренка, прорвемся.

Ольга скривилась.

– Да, хотела с тобой один момент обсудить. Когда все завертится и этот Петухов вступит в свои права, начнет рулить объектом... Ему, я так понимаю, люди понадобятся, – задумчиво продолжила она.

– Это да, до фига народу понадобится. Там же продажи зерна, приемка, технические службы...

– Это мне неинтересно, – прервала его Ольга. – Разных техников и бригадиров пусть набирает, сколько душе угодно. Мне хотелось бы, чтобы рядом с ним оказался наш человек. Совсем близко, в радиусе вытянутой руки. Например, в роли помощника по связям с региональной властью или что-то в этом духе. Короче, эдакий помощник по широкому кругу вопросов. Петухов обязательно должен взять на работу нашего человека.

– Так ты бы ему сказала, что за человек и на какую позицию его взять. Антон добрый, когда плов ест. Слушай, как в него столько лезет? Ты заметила? Его жена, наверное, совсем не кормит. Она его водой поит, здоровые пищевые привычки формирует, – Тихон громко засмеялся.

Ольга чуть отстранила трубку, переждала хохот и вернулась к серьезному тону:

– Ты не понял. Человек этот должен прийти как бы с улицы. Петухов никак не должен связывать его с нами.

– Засланный казачок? Ну ты голова! – восхитился Тихон. – Почему у нас в министерстве таких нет?

Вопрос был риторический, и Ольга его проигнорировала. Зато у нее созрел свой вопрос:

– Кстати, кто у Петухова жена?

– Фиг его знает, она какая-то мутная. Психолог, кажется. Знаю только, что Леной зовут. Четверых ему родила, он вечно без денег, так она фактически семью содержит, теток на какие-то психологические тренинги разводит. Вроде неплохо зарабатывает на этом.

Ольга облегченно вздохнула. Психологию она считала лженаукой. Да и многодетность в ее понимании не свидетельствовала о большом уме. Все! Кандидатура Петухова утверждена и обсуждению не подлежит.

Вечером, нежась в широкой кровати, Ольга проводила в небытии, как ей казалось, обычный день своей жизни. Потом она будет вспоминать этот день и удивляться, почему интуиция не нажала стоп-кран.

Антон и Лена

В детстве друзья звали его Тохой и относились к нему, как к расходному материалу. Если в компании кто-то отказывался пойти в кино, то лишний билет вручали Тохе. Если на дне рождения был пустой стул, то вспоминали о Тохе и в последний момент приглашали. Он был вечным запасным игроком. И радовался этому, потому что быть на виду на первой линии жизни казалось ему мукой. Хуже только лечить зубы.

Его стеснительность не была врожденной. Родители вспоминали, что в раннем детстве он даже с удовольствием вставал на стул, декламируя стихи гостям. Но потом случилось ЧП.

Маленький Антон гулял во дворе, когда туда заскочила огромная овчарка. Дети разбежались. Антон рванул в подъезд и там, держась за дверную ручку, заметил, как крупно дрожат руки, а по ногам течет что-то теплое. Тогда же он впервые услышал, как бухает в груди сердце.

Через щель в двери Антон видел, как подоспевший хозяин спокойно прицепил поводок и увел собаку. С балкона на него кричала какая-то женщина, но мужик только сплюнул и громко сказал: «Эта сука за всю свою жизнь никого не покусала». И все.

Антон пришел домой и хотел рассказать о случившемся родителям. И про то, какая собака огромная. И какой она казалась злой. А оказалась доброй. И еще хотел спросить, почему дядя назвал собаку сукой, если так сосед называет жену. Он открыл рот, но вместо слов, которые обычно катятся как горошины, нанизанные на нитку, получились рваные звуки. Нитка лопнула, бусинки катились вразнобой.

Он стал заикаться. Сколько родители не водили его по врачам, толку не было. Его заставляли петь слова, тянуть слоги. Петь получалось, а говорить, как прежде, нет.

Пока он был один в комнате, то мог говорить с мебелью. Получалось вполне сносно. Иногда и вовсе нормально. Но стоило переключиться с мебели на людей, как слова опять превращались в неподъемные кирпичи, которые застревали в гортани. От волнения он впадал в состояние речевой беспомощности.

Школа стала местом пытки. Учителя спрашивали его редко, и в этом Антон видел свою постыдную неполноценность. Он мог не учить стихотворений наизусть, его все равно не спрашивали. А если и спрашивали, то смущенно опускали глаза, стараясь на него не смотреть. Как будто он измазан нечистотами.

Так бы и просидел он на скамейке запасных всю жизнь, если бы не Лена.

Эта девушка появилась в его жизни, когда он учился на первом курсе политехнического института. Инженерную специальность он выбрал за то, что в ней предполагалось общение с машинами, а не с людьми. Учиться ему нравилось, письменные работы он сдавал на неизменное «отлично». А вот остальные проявления студенческой жизни были для него мучительны. Он избегал тусовок всеми силами. Но иногда друзья все же затаскивали его на какие-то вечеринки.

На очередном дне рождения кто-то решил пошутить и познакомить Антона с Леной. Их специально посадили вместе, чтобы лишить возможности не заметить друг друга. Шутка состояла в том, что у Лены от нервного тика дергался правый глаз. Юмористу показалось смешным, если два дефективных человека начнут гулять вместе.

Лена училась на экономическом факультете и, в отличие от Антона, имела мечту. Мечта была скромная и очень личная. Лена хотела излечиться от нервного тика. Антон тоже не прочь был избавиться от заикания. Но он мечтал пассивно, ему просто хотелось проснуться здоровым. А Лена хотела активно, не покладая рук.

Сначала она еще верила в помощь врачей. Это быстро прошло.

Потом окунулась в мир знахарей, которые шептали над ней странные слова и поплевали в правый глаз. Было противно и бесполезно. Даже ездила к шаману, покупала ему жерт-

венного барана, но глазу это не помогло. Вера в знахарей и шаманов продержались не дольше, чем во врачей.

Свет в конце туннеля забрезжил, когда Лена стала читать книги по клинической психологии. Книги высокого профессионального уровня читать было трудно, практически невозможно, ведь Лена училась на бухгалтера. Но нашлись книги, где умные мысли пересказывались простым языком, в жанре научно-популярной литературы. Их-то Лена и стала поглощать в чудовищных объемах.

Особенно ей понравилась идея, что все болезни происходят от душевных переживаний и только настройка души может изменить физическую оболочку. Лена открывала мир заново. Оказывается, человек страдает полностью, потому что изнутри его распирает чувство обиды. Путь к стройности пролегал через прощение. А худоба означала, что человек пытается спрятаться ото всех, стать невидимым, что говорит о его чувстве вины. Избавься от этого комплекса, прости себе все и начнешь набирать заветные килограммы.

Читая такую литературу, Лена освоила терминологию. Особенно чарующе звучало «прожить боль», «открыться удару и последовать за его импульсом», «войти в поток»... Это означало нечто смутное, но многообещающее. А про тантрический секс она вообще могла говорить часами. Антон пытался уточнить этот момент, все-таки вопрос секса его интересовал сильнее, чем «проживание боли». Лена объяснила, что это когда твоя энергия соединяется с энергией другого человека, что дает наивысшее наслаждение. Антон сделал вид, что понял.

Тандем Антона и Лены получился довольно крепким. Все время они проводили вместе. Лена обрела слушателя, который ее не перебивал. А Антон нашел собеседника, с которым можно было молчать.

Прежде чем помочь себе, Лена решила попрактиковаться на Антоне. Все, о чем она читала в книгах, все техники медитаций и ухода в астрал, примерялись на Антона. Из уважения к Лене, а может из-за боязни ее обидеть, он честно пытался следовать ее рецептам. Увы, практической пользы это не принесло.

Летом они поехали в Тибет. Там их разъединили, определив жить на мужскую и женскую половины ашрама, и запретили разговаривать. Обет молчания должен был помочь сконцентрировать внутреннюю энергию. Лене молчание давалось с трудом, а Антон блаженствовал. Даже вегетарианство и многочасовые медитации не показались ему тяжелым испытанием.

Однажды, сидя в позе лотоса, Антон впал в странное состояние. Что-то вроде дремы, но с яркими ощущениями. Он почувствовал странный запах и сразу его узнал: так в детстве пахло из гаража соседа, который варил там брагу. Правда, двора того давно нет, на его месте вырыли котлован для нового дома. Но в Антоне каким-то образом слились воедино и знание о котловане, и стойкое присутствие двора во всех его проявлениях. Запахи, звуки, шероховатость стола, по которому он катает свою машинку. Ту самую, с отломанной фарой. Он видит себя мальчиком и одновременно осознает себя взрослым, что кажется таким естественным. Разглядывать себя маленьким очень интересно. У Антона растет внутри что-то теплое и большое, растекается по телу и ему становится так хорошо, как никогда не было.

Но тут во двор вбегает овчарка. Все с визгом разбегаются, кто куда. И только Тоха остается на месте. Взрослый Антон кричит ему: «Беги!» – но маленький Тоха его не слышит, он продолжает катать машинку. Антон рвется вперед, загораживает собой малыша, но собака проходит сквозь него. Она подходит к мальчику и, свесив язык, смотрит на него. Ее глаза похожи на большие черные камушки, вставленные в меховую оправу. Взгляд такой серьезный и внимательный, что Антон ловит себя на непреодолимом желании погладить собаку. Но его руки проваливаются в пустоту. Тогда он просит Тоху: «Погладь ее, не бойся». На этот раз мальчик слышит его, он отрывается от машинки и бережно гладит собаку. Антон видит это как будто со стороны, но при этом чувствует на своей руке каждый упругий волосок на ее загривке, улав-

ливаает запах псины и теплоту собачьей шеи. Нет страха, есть счастье единения со зверем, у которого почти человеческий взгляд.

Потом картинка рассыпается, Антон начинает различать запахи местной кухни, слышит, как зовут к обеду, и разгибает тело, возвращая его в привычное положение.

Через несколько дней обет молчания закончился. Их пребывание в ашраме подошло к концу. Антон и Лена поблагодарили странных людей, создавших в горах такие приюты для искателей новых ощущений, оставили им немного долларов и, взявшись за руки, вышли на тропинку, ведущую к ближайшему селению. Лена, упиваясь возможностью говорить, не оставляла паузы для Антона. Она подробно рассказала про реакцию организма на растительную пищу, на долгое сидение в одной позе, на сон на тонюсенькой циновке. И про то, как новые физические ощущения повлияли на ее духовное развитие. Наконец, иссякнув, она спросила:

– Ты как, нормально?

– Вполне. Хотя от сочного куска мяса я бы не отказался.

Антон не сразу понял, почему Лена встала как вкопанная, приоткрыв рот.

– Скажи еще что-нибудь.

– Зачем? – не понял Антон. – Ты хотела, чтобы я в первую очередь вспомнил про постель?

Нет, дорогая, сначала я поем мяса, – засмеялся Антон.

– Антон, – как-то испуганно прошептала Лена, – ты же не заикаешься.

Антон потрясенно замолчал. Он только сейчас осознал случившееся. Несколько часов он боялся говорить, чтобы все не испортить. Однако боялся зря, возврата к заиканию не было.

У Лены же тик не прошел. Выходило, что она вытащила Антона, а сама не смогла. Все ее техники, умные теории, чакры и инсайты, Тибет и ашрам, – все это чудесным образом переплавилось в исцеление Антона. Ее же глаз ответил полной неблагодарностью на затраченные усилия.

Выходило как-то несправедливо. Антон чувствовал себя бойцом, которого медсестра на себе вытащила с поля боя, а сама получила ранение. Потом он выздоровел, а ей отняли ноги. Что в таком случае делает честный боец? Правильно, женится на медсестре. Ну, это в идеале.

Антон женился на Лене.

Правда, фамилию Лена оставила свою, девичью. Антона это слегка напрягло, но молодая жена объяснила, что так нужно для сохранения собственных энергетических отсеков. И что низкая продолжительность жизни мужчин связана с тем, что они бездумно делятся своей фамилией с женами, которые вместе с фамилией забирают часть их энергии. Антон успокоился. Он понял, что Лена отказалась от его фамилии по идейным соображениям. Он их не разделял, но глубоко скрывал свой скепсис.

Помимо чувства благодарности Антона связывало с Леной доброе přátельство, а также то немаловажное обстоятельство, что за долгие годы затворничества он научился общаться с девушками. Антон привык их избегать. Речь вернулась, а навыки флиртовать и ухаживать напрочь отсутствовали. Стеснительность прочно взяла его в свой плен. Сутулость стала побочным следствием его застенчивости. Молодой человек старался забиться в угол и бледнел, когда женщины проявляли к нему интерес.

Лена это поняла и не очень расстроилась. По правде говоря, даже обрадовалась. Она стала для него единственной женщиной, главным другом и советчиком. А еще матерью его детей.

Рожать первого ребенка Лена боялась: вдруг нервный тик передается по наследству. Врачам Лена не верила по определению. Но ребенок родился здоровым. Это так воодушевило молодую маму, что через год она родила еще одну девочку. А потом еще одну. Четвертым ребенком стал сын.

И все бы хорошо, но дети просили есть. А стеснительный папа не имел успеха на рынке труда. Проще говоря, он мало зарабатывал. Премии и новые должности доставались коллегам, которые умели пить с шефом и танцевать на корпоративах.

И тогда Лена решила, что муж пойдет в бизнес. Раз Антона не ценят в качестве наемного сотрудника, он станет самостоятельным предпринимателем.

Эта идея прочно засела в ее голове. Антон пытался отбиться, но Лена объяснила ему, что это не он противится новому опыту, а его страхи не пускают его в даль светлую. Словом, надо страхам показать большой кукиш. И она ему в этом поможет.

Антон не спорил, он вообще доверял Лене в вопросах разных инсайтов и тонких материй. Но началась какая-то фигня: Антон показывал кукиш своим страхам, а в ответ бизнес показывал ему еще более непристойные знаки. И так год за годом.

На каких-то этапах этого бесславного пути Антон познакомился с Тихоном Ерофеевичем. Тот иногда использовал фирму Антона в своих хитрых схемах, и Антону удавалось с этого что-то заработать. Но в целом с бизнесом у Антона не заладилось.

Вместо того чтобы посидеть над сметой или бухгалтерским отчетом, Лена читала книги про то, как завлечь деньги путем правильной расстановки мебели. Антон не восставал, поскольку считал, что с четырьмя детьми должна же быть у женщины какая-то отдушина. Кто-то скандалит, кто-то на диетах сидит, а Лена верит в ерунду.

Время шло, бизнес не давался в руки Антону. Лена испробовала все методы, но тщетно. Между тем несознательные дети просили есть, причем с возрастающим энтузиазмом.

И тут на помощь пришел интернет. Лена завела страничку в социальной сети и стала выкладывать тексты философско-мистического содержания. Фотографии были исключительно позитивные: жизнерадостная женщина в окружении моря детей. Фотографии не передавали нервного тика. Лена внушала аудитории, что знает, как открывают дверцу к счастью и здоровью.

Оказалось, что интернет наводнен страждущими. Толпы женщин готовы были платить за то, чтобы Лена провела их по извилистому жизненному пути. Одна не могла смириться с разводом, другая хотела отомстить любовнице мужа. Лена предлагала им осмыслить жизнь по аналогии с ковром: орнамент виден лишь издалека, а вблизи красоты нет, есть лишь переплетение пыльных нитей. «Взлетите над собой и увидите красоту бытия», – писала им Лена. Помня о нервном тике, она консультировала своих клиентов только дистанционно, никаких личных контактов. Такие советы ввергали женщин в благоговейный транс, они платили деньги и честно пытались посмотреть на свой ковер с высоты. Некоторым помогало.

Постепенно Лена уверовала в свой профессионализм. Она «прокачала» свои навыки настолько, что клиенты выстраивались к ней в очередь. Чем больше незнакомых слов использовала Лена, тем выше был ее ценник. А на тренинг по «проживанию боли» вообще стояла очередь.

Единственным клиентом, которому она не смогла помочь, был ее собственный муж. Вывести его на путь удачи не получалось. Порой Лена останавливала задумчивый взгляд на Антоне. Не стоит ли попробовать еще разок? Может, новая попытка под ее руководством приведет мужа к финансовому успеху?

Антон от такого взгляда прятался за детской кроваткой и просил высшие силы сделать его невидимым. Он очень хотел стать простым наемным сотрудником, выполнять поручения шефа и получать за это фиксированную зарплату. Пусть небольшую, но стабильную. Жаль, что Лена считала, что такой образ жизни закрывает путь к просветлению и плохо влияет на энергию чакр. Она упорно желала видеть его предпринимателем.

Именно в такой момент на горизонте их жизни вновь возник Тихон Ерофеевич.

Операция «Золотой элеватор»

Получив «добро» от Ольги, Тихон Ерофеевич начал действовать. Он позвонил Антону Петухову и пригласил его на беседу. Но не к себе в кабинет, а в кафе. Место было известное, модное, приписывающее нолик к цене чисто как профилактическую меру для отпугивания неправильного контингента.

Антон напрягся, это чувствовалось даже по телефону. «Нищеврод», – презрительно подумал Тихон.

– Расслабься, я приглашаю. Заезд на парковку слева по переулку.

– Я на метро поеду.

«О господи, – закатил глаза Тихон. – С кем приходится иметь дело. Да хоть на ишаке, только приезжай, дорогой».

В назначенный час Тихон Ерофеевич гостеприимно похлопывал гостя по плечу.

– Привет! А я тут похозяйничал немного. Заказал нам каре ягненка. Ты как? Не возражаешь?

– Вообще-то я вегетарианец, – смутился Антон.

– Стоп! Так ты ж плов у моей сестры только так наяривал!

– Это был исключительный случай. Чтоб не обижать хозяйку, – смутился Антон.

– Ну вот и сейчас исключительный случай. Чтобы не обижать меня, – Тихон захохотал. Было видно, что он сегодня в хорошем настроении. – Слушай, а как ты в вегетарианство вляпался?

– Это долгая история. Когда мы с женой жили на Тибете...

– Да иди ты! На Тибете? Как тебя туда занесло?

– У меня жена этим увлекается, – смутился Антон. – Говорит, что все болезни от внутренних переживаний.

– Стопудово! – поддержал Тихон Ерофеевич.

– Она практикует, через социальные сети набирает клиентуру, лечит людей, корректируя их душевный настрой.

– Это как?

– Ну вроде как хужоба от чувства вины, когда человеку хочется спрятаться от всех. А полнота от чувства обиды, она изнутри распирает человека.

– Ловко! Типа если у человека геморрой, то это потому, что он по жизни задний ход дает? Геморрой от заднего хода? – Тихон Ерофеевич засмеялся так громко, что за соседним столиком неодобрительно посмотрели на них.

Антон еще больше ссутулился, а Тихон Ерофеевич продолжал смеяться. Антон с завистью посмотрел на него: сразу видно, что геморрой Тихону Ерофеевичу не грозит, он никогда не даст задний ход. Не то что он, Антон. Странно, что у него до сих пор нет геморроя.

Словно прочитав его мысли, Тихон Ерофеевич без всякого перехода спросил:

– А тебе, Антоша, не надоело задний ход включать? Так и до геморроя недалеко.

– Что вы имеете в виду?

– Твою карьеру, деньги и вообще. – Тихон Ерофеевич резко стал серьезным. – Может, пора уже серьезным бизнесом заняться?

– Меня там только и ждут, – усмехнулся Антон.

– А если ждут?

Повисла пауза. Антон внимательно смотрел на Тихона Ерофеевича, но не заметил подвоха или иронии.

– Вы что-то конкретное имеете в виду?

– А я когда-нибудь тебя на пустые разговоры звал? – Тихон Ерофеевич перешел на шепот. – Помнишь, как ты подзаработал на моих схемах?

– Помню, я вам благодарен...

– Не мельтеши! Я про то, что у нас с тобой получался неплохой тандем. Почему бы нам не продолжить?

– Сейчас с обналочкой строго стало, я в этом больше не хочу участвовать, слишком рискованно, – сгорая от стыда за свою неблагодарность, ответил Антон.

– Без тебя знаю. Не о том речь. Я предлагаю тебе абсолютно законную тему. От первой до последней буквы.

Их прервал официант, устанавливая блюдо с каре ягненка. К нему прилагалась батарея разных закусок и салатов. Вино решили не заказывать из-за жары.

Антон подумал, что случай исключительный, и вегетарианство не обидится, если его отправят погулять на день. Он радостно втягивал аромат жареного мяса. Тихон Ерофеевич наблюдал за ним с легкой усмешкой. «Все вы такие, вегетарианцы хреновы: за свои деньги капусту грызете, а на халяву и мясо не грех пожрать».

– Готов выслушать?

Антон кивнул. Рот был занят мясом. Лена приучила его тщательно пережевывать пищу.

– Опускаю подробности, как так вышло, но в закромах Родины остался один неоприходованный объект. И это неправильно, потому что линия партии, не колеблясь, направлена в сторону рынка. Объект должен стать частной собственностью. Таково веление времени.

Антон снова кивнул.

– И весь вопрос в том, кому он достанется. Как думаешь, кому?

Антон спешно проглотил и неуверенно ответил:

– Тому, кто победит на конкурсных торгах. Кто даст большую цену.

– Садись, пять! А если на торгах не будет желающих? Если только одной фирме интересен этот объект? Тогда по какой цене?

– По стартовой. По остаточной балансовой стоимости. Но только, Тихон Ерофеевич, это значит, что объект непривлекательный. Раз он никому не нужен.

– Вот тут ты не спеши. Объект нормальный. Можно сказать, козырный.

– Почему тогда на него покупателей нет?

– Это тебя не касается. Нет и все. Это не твоя забота и не твоя область ответственности.

В мире разделение труда еще никто не отменял.

– А моя зона ответственности тогда какая? Чем я могу вам помочь?

– Ты его купишь.

Антон закашлялся.

Он выпучил глаза и начал беспомощно бить себя по загривку.

Тихон Ерофеевич брезгливо отвернулся и сделал знак официанту. Тот подбежал и хорошенько треснул Антона по спине. Это помогло. Тяжело дыша, Антон приходил в себя, переваривая услышанное.

– Ты водички попей, – сказал ему Тихон Ерофеевич. – Можно продолжить? Так на чем мы остановились?

– На том, что я куплю объект, на который не будет других претендентов. Но у меня нет денег, – обрадовался Антон. – А кредит моей фирме ни один банк не даст, потому что я на грани банкротства.

– Кредит не понадобится. Я тебе займу.

Антон потрясенно молчал. Его нос удрученно повис. Его «самоотвод» не сработал.

Тихон Ерофеевич продолжил:

– На мои деньги ты купишь объект. И начнешь им рулить. Я тебя вниманием не оставлю, не боись. Все бюрократические решения будут приниматься исключительно в твою пользу.

Твоя задача будет держать паруса, а моя – нагнать в них ветра. Бизнес будет прибыльным, в этом даже не сомневайся. Как-то так. Понял?

Антон кивнул, но как-то неуверенно.

– А потом?

– Потом, когда придет срок, ты мне его вернешь. И все. Я стану законным владельцем, а ты свободным и, заметь, небедным человеком.

Антон налил себе воды, медленно выпил, растягивая каждый глоток. «Думает», – сообразил чиновник.

– Тихон Ерофеевич, зачем вам я? Купите сами!

– Я – слуга государев, мне не положено, – усмехнулся тот.

– Тогда на жену оформите.

– Я не женат, – холодно ответил собеседник.

– Тогда на сестру.

– Чтобы меня разные блогеры на части порвали? Сестра чиновника, домохозяйка, купила по начальной стартовой цене прибыльный промышленный объект. А торги курировал ее брат. Какое совпадение! Пять миллионов просмотров! Ты на что меня подписываешь?

– Я не подписываю, просто предлагаю варианты.

– А не надо ничего предлагать, надо исполнять.

Антон еще ниже опустил нос и сказал исподлобья:

– Тихон Ерофеевич, я очень ценю ваше доверие, но, пожалуй, вам лучше найти для этой роли другого человека.

Он бы ушел, но побоялся показаться невежливым. Все-таки его пригласили, каре ягненка заказали. И Антон остался сидеть, повесив нос.

– Смешной ты человек, – легко и небрежно начал Тихон Ерофеевич, – отказываешься от предложения, даже не дослушав его.

У Антона немного покраснел кончик носа. То ли от стыда за свою недотепистость, то ли от первых признаков жадности.

– Условия таковы, – продолжил Тихон Ерофеевич, – пока объект числится за тобой, ты получаешь пятую часть прибыли. Остальное – мое, это честно.

Антон округлил глаза.

– Это то, что касается прибыли. Теперь о твоей зарплате как генерального директора.

Тихон Ерофеевич, совсем как в кино, взял со стола салфетку и что-то написал на ней. Свернул салфетку и придвинул к Антону. Тот смущенно взял ее и, предварительно оглянувшись по сторонам, раскрыл.

На салфетке был нарисован Волк из «Ну, погоди!».

Тихон Ерофеевич взорвался от смеха.

– Ты бы... себя... видел, – утирал он слезы, – как Штирлиц... ой, не могу.

Антон в замешательстве убрал салфетку в карман. Он не знал, смеяться ему или плакать.

– Зарплату твою потом обсудим, не обижу, – отсмеявшись, сказал Тихон Ерофеевич.

– И все-таки вынужден отказаться, – задумчиво сказал Антон. – Вот вы сказали, что в нужный час я вам объект верну и стану вольным человеком. Так я и сейчас вольный. Какой мне смысл огород городить?

– Вот знал я, что ты умный парень! Значит, торговаться решил? Это правильно. Я тебе больше скажу, если бы ты с ходу согласился, я бы еще сто раз подумал, доверять ли тебе. Потому что за одну зарплату, какой бы она ни была, только дураки работают. Важна перспектива, вид на будущее. Зарплата – это вообще ни о чем.

Тихон Ерофеевич налил воды и маленькими глотками стал пить. «Думает или делает вид, что думает», – прочитал его намерения Антон.

Наконец тот закончил пить, промокнул рот и склонился к Антону.

– Слушай сюда, если сможешь вывести объект на передовые позиции в смысле прибыли и технического перевооружения, то я поделюсь с тобой собственностью. Акционерное общество нам ни к чему. Акции – это вообще ни о чем. Одна морока. Все оформим как общество с ограниченной ответственностью. Самая простая и понятная схема. За ударный труд я выделю тебе долю, четверть отойдет тебе. Ты станешь совладельцем.

Он откинулся на спинку кресла.

– Вот что ты мне теперь ответишь? Легкое «да» или мучительное «нет»?

С видом человека, которого ударили пыльным мешком из-за угла, Антон, не мигая, смотрел на Тихона Ерофеевича. Тот понял, что полностью завладел вниманием собеседника, выдержал паузу и продолжил:

– Смотри, что выходит. Ты берешь мои деньги и покупаешь на них объект. Формально – ты становишься его полномочным хозяином. Но если в каком-то припадке невменяемости ты решишь его на сторону продать, то я тебя из-под земли найду. И ты лишишься всего. Короче, если включишь задний ход, то геморроем не обойдешься, – подмигнул он.

Антон сделал неопределенный жест, дескать, к черту геморрой.

– Другой вариант: ты ведешь себя правильно, – продолжил Тихон Ерофеевич, – старательно работаешь на наше общее благо, заметь, за весьма хорошие деньги, а потом по моей отмашке переписываешь объект на меня, оставляя себе четверть. Согласись, этот вариант куда как менее травматичный.

Пришла очередь Антона попить воду. Он выпил один стакан, посидел задумчиво, словно прислушиваясь к себе, и налил второй.

Тихон Ерофеевич запаниковал. А вдруг откажется? От внутреннего беспокойства, чтобы занять себя чем-то, пока Антон, как верблюд, пьет воду, Тихон Ерофеевич снова взял салфетку и нарисовал на ней круг. Не очень ровный, но все же. Потом выделил его четвертушку и подписал «25 %». И даже расписался. У него была красивая подпись, он любил ею украшать государственные бланки.

Молча он придвинул салфетку к Антону. Тот машинально протянул руку, внимательно осмотрел круг и засунул салфетку в карман. Выпил еще один стакан воды. Наконец протянул Тихону Ерофеевичу руку.

– Согласен.

Они скрепили договоренность рукопожатием.

– Только один вопрос: почему я?

– Потому что доверяю тебе, Антон, – серьезно и даже душевно ответил Тихон Ерофеевич.

А про себя добавил: «Потому что кишка у тебя тонка кинуть меня. А так ты парень умный, вытянешь. Стопудово!»

– И еще, Тихон Ерофеевич, вы так и не сказали, что за объект.

– Элеватор, Антон. Элеватор на берегу Черного моря. Так что готовься к переезду.

– Ну тогда давайте выпьем за успех операции «Золотой элеватор». – И Антон разлил остатки воды по бокалам.

Скунс – животное полезное

Долгие годы, сделав брата своей главной инвестицией, Ольга внимательно следила за его плаванием. Предупреждать об айсбергах или коралловых рифах стало ее негласной и добровольно принятой на себя обязанностью. Она плела страховочные сети под его рискованными делами. Иногда брат Тиша про это знал, иногда догадывался, а иногда пребывал в полном неведении. Ольга великодушно позволяла ему считать себя самостоятельной фигурой. И когда он дарил ей квартиру или покупал новую машину, она делала изумленные глаза, изображая шок от его щедрости. Хотя в глубине души считала все эти подношения своей законной долей в его бизнесе, который она страховала по мере своих сил.

Силы эти уходили корнями в ее умение разбираться в людях. Это редкое качество, как считала Ольга, не так уж и сложно приобрести. Надо лишь никому не верить и ничем не обольщаться. Казалось бы, ерунда, мелочь. Но эта ерунда несказанно преобразует картину мира. Большинство людей испытывает непреодолимую потребность в доверии к ближнему. Чужой опыт их не учит. Потом они стоят у разбитого корыта и шлепают раскисшими от слез губами, дескать, кто ж думал, что партнер (муж, сосед, друг) на такое способен. А надо было думать. Думать вообще полезно.

Ольга давно взяла за правило лишать людей презумпции порядочности. И только по факту многолетнего общения даровать им этот титул. Доверие нужно было заслужить. Изначально любой малознакомый человек воспринимался ею как потенциальный моральный урод, которому только предстояло доказать обратное.

В этом отношении Ольга чувствовала свое коренное отличие от обычных людей, которые поступают с точностью до наоборот: заранее напяливают на глаза розовые очки, а потом, когда кто-то оказывается подлецом или предателем, изумленно моргают и проклинают его. «А нечего розовые очки во взрослом возрасте носить», – думала в такой ситуации мудрая Ольга. Право на подлость Ольга считала таким же неотъемлемым правом личности, как дышать или ходить на выборы. Каждый человек по своему усмотрению распоряжается собственной жизнью. Хочет – геройствует, хочет – подличает. Ее же задача состояла в фильтрации людей, окружающих Тихона.

Взять того же Петухова. Вроде нормальный парень. Производит впечатление порядочного. Но Ольгу впечатлением не убедишь и не обманешь. Любой малознакомый человек в ее глазах имел презумпцию человека, от которого можно ожидать чего угодно, вплоть до самого неприятного.

К тому же легко быть порядочным, когда ты никто и звать тебя никак. Честность – добродетель нищих, в этом Ольга не сомневалась. Жизненные принципы она считала чем-то вроде свай. Пока они поддерживают соломенную крышу, то кажутся прочными, а стоит дать им хорошую нагрузку, так сразу побегут по сваям, как цветочные орнаменты, трещины. А дальше и до полного обрушения недалеко.

Вот и Петухов представлялся ей свайей, на которой крепится простая фанерная конструкция. Сидят на ней жена и дети, болтают ногами, а он радуется, что все это несет гордо и смиренно. А если сверху всей своей тяжестью навалится элеватор? Многогонная собственность, которая с годами благодаря неустанным трудам Тихона превратится в золотую жилу? Что тогда? То-то!

Следовало подстраховать брата, но лишний раз не стоило показывать ему, что весь его план под колпаком у Ольги. Все-таки он мальчик большой, обремененный должностью. Пусть почувствует себя в свободном полете. А то, что по траектории его полета Ольга плетет страховочный батут, пусть останется ее частью их общего дела. Полную откровенность Ольга считала высшей степенью глупости, даже в отношении с близкими людьми.

Хорошенько все обдумав, Ольга набрала номер человека, который в ее телефонном справочнике значился как «Скунс».

– Добрый день, госпожа Ольга, – отозвался приятный мужской баритон.

«Знаю его сто лет, и сто лет он меня так называет. Не надоело?» – подумала Ольга.

– Привет, дорогой, – радушно начала она. – Как дела? Чем сейчас занят?

– Для вас, госпожа Ольга, я всегда свободен. Сейчас только выйду из кабинета и поговорим без лишних ушей.

– Ну раз свободен, приезжай ко мне. По телефону вряд ли получится.

– Насколько срочно?

Ольге не понравился вопрос. У госпожи такое не спрашивают. Бегут, ломая ноги, по первому зову.

– Совершенно не срочно, дорогой. Давай на следующей неделе. Хотя... знаешь, я тут подумала, дело того не стоит. Я, пожалуй, сама справлюсь. Извини, что побеспокоила. – И она нажала отбой, не прощаясь.

Ольга даже не думала покинуть кресло. Она знала, что сейчас раздастся звонок. И не ошиблась. На экране высветилось «Скунс». Сняв трубку, ей не пришлось говорить.

– Я уже спускаюсь в гараж, Ольга Петровна, через полчаса буду у вас, – запыхавшись, сказал мужчина.

Ольга только кивнула. Напрягать голос ей казалось излишним.

И действительно, примерно полчаса понадобилось собеседнику, чтобы добраться до нее.

Ольга открыла дверь. На пороге стоял высокий, привлекательный мужчина, лет тридцати пяти. Ничто в его внешности не напоминало о скунсе. Впрочем, все слышали о редком даре этого животного наполнять мир вонью, но мало кто знает о том, как он выглядит. Ольга знала. Однако она всегда смотрела в глубь человека. Ее образное мышление не нуждалось в примитивных внешних подсказках.

– Проходи, Виктор, – сказала Ольга. – Чай? Кофе?

Виктор понял, что прощен.

– Если можно, сначала воды. Жара стоит страшная. А вы замечали, Ольга Петровна, что мы живем в стране победивших дихотомий? Чай или кофе? Цветаева или Ахматова? Город или деревня?

Ольга немного поморщилась. Многословность Виктора ее утомляла. Ей импонировала более лаконичная манера общения. Однако ее опыт показывал, что по-настоящему закрытые люди часто кажутся болтливыми. Они говорят без умолку. Однако через час общения с ними вы ничего не узнаете о них самих, только о других, о погоде, о тех же Цветаевой и Ахматовой. Такая закрытость Ольгу полностью устраивала, учитывая деликатность просьб, с которыми она иногда обращалась к Скунсу.

– Как на работе? Не обижают?

– Вашими молитвами, госпожа Ольга! – радостно отрапортовал Виктор. – Каждый день, открывая дверь своего кабинета, вспоминаю вас добрым словом. Вы в моей жизни сыграли роль доброй феи.

Речь шла о том, что когда-то Ольга помогла ему занять этот кабинет. Конечно, речи не было о благотворительности с ее стороны. Просто Тихон повел игру, которую могли испортить в одном контролирующем органе. И Ольга через знакомых пристроила туда Виктора на работу. Он должен был сигнализировать о любом внимании ведомства к деятельности Тихона. Но сигнализировать не пришлось. На Тихона всем было плевать. В море русского бизнеса плавали рыбы покрупнее. Правда, эти рыбы были не только крупные, но и зубастые. Они рвали на части тех, кто пытался набросить на них сеть. По этой причине начальник Виктора скоро был уволен ввиду несоответствия служебным требованиям. В освободившийся кабинет въехал Виктор. Он учел

печальный опыт своего начальника и лишний раз крупных рыб не раздражал, накачивая статистику мелкой рыбешкой.

– А в остальном как? Не женился?

– Вы, Ольга Петровна, прямо как рентген. Видите человека насквозь. Кстати, мне кажется, что пронизательность – это чисто женское качество. Вы так не думаете? Вы замечали, что гадалки всегда женщины? Это, я думаю, связано с гормональным фоном, который позволяет настраиваться на волну собеседника. И, заметьте, феминистки не учитывают эту особенность женского организма... Мое нынешнее состояние не укладывается в грубую дихотомию – женат или холост.

– Ты мне зубы не заговаривай. Так женился?

– Почти созрел. Подумываю о женитьбе. Есть подруга. Время покажет, куда выплывем.

Говоря о себе, он всегда был скуп на слова. Ольге это нравилось. Точнее, это ее раздражало и даже бесило, но для той работы, которую она ему поручала, подобная закрытость была весьма кстати. Нечего о себе болтать.

– Значит, жены и детей нет. Это хорошо, – безапелляционно сказала она.

– Почему? – напрягся Виктор.

– Потому, дорогой, что есть у меня к тебе просьба. Весьма деликатного свойства. Для ее выполнения потребуется на время уехать в дальние края.

– В Сибирь? – побледнел Виктор.

– Почему в Сибирь?

– Обычно так про Сибирь говорят.

– Ну, считай, что тебе повезло. Твои дальние края будут расположены в курортной зоне.

Виктор потрясенно молчал. Ольга Петровна вспомнила о своих обязанностях хозяйки и ушла на кухню варить кофе. Выбор между чаем и кофе она сделала сама, не тревожа собеседника. Перед Виктором сейчас стоял более сложный выбор.

Она засыпала зерна в кофемолку, пожужжала подольше и не спеша довела приготовление до финала. Добавила кардамон и немного перца. Она любила оригинальные рецепты. Вкусовые предпочтения Виктора ее интересовали мало.

Вернувшись с подносом, на котором благоухали две маленькие чашечки императорского фарфорового завода, Ольга застала Виктора в крайне возбужденном состоянии. Он стоял у окна и комкал край шторы.

– Попей кофе, успокойся, – властно сказала она.

– Разве кофе успокаивает?

– Смотря на каких условиях его пить.

Он с любопытством взял одну чашечку.

– Я весь внимание, госпожа Ольга. В чем состоит ваша просьба?

– Виктор, скоро на берегу Черного моря одному человеку понадобится помощник.

– Так надо помочь? – с облегчением выдохнул Виктор. – Может, я смогу порекомендовать специалиста? Предпочтительнее юридическое или менеджерское образование? А может, подойдет маркетолог? Знаете, я тут недавно познакомился с одним...

– Спасибо, это лишнее, – скривилась Ольга. – Мне казалось, что мы понимаем друг друга. Твоя реакция меня озадачивает.

Виктор сник. Он понял, что откосить не получится.

– Ольга Петровна, я слушаю вас. Только прошу заметить, что у меня здесь работа, которой я в некотором смысле дорожу.

– Тебе напомнить, кому ты обязан этой работой?

– Не стоит, я хорошее не забываю. Но разве я не отработал ваше покровительство?

Ольга проигнорировала вопрос.

– Ты кофе пей, совсем остынет.

Они молча взяли по чашке. Затем в полной тишине каждый разглядывал кофейную гущу, словно гадал по ней. Тикали часы, бежали минуты, собеседники хранили молчание.

Наконец Ольга, не говоря ни слова, поставила пустые чашки на поднос и ушла на кухню. Вернувшись в комнату, удивленно спросила:

– Ты еще здесь? Я думала, что ушел.

– Ольга Петровна, ну зачем вы так? Вы же знаете мое безмерное восхищение вами. Я всего лишь пытаюсь объяснить, что переезд не входит в мои планы. К тому же я имею весьма ограниченные компетенции. Вряд ли я подойду требовательному руководителю.

– Тебе повезло, он нетребовательный.

– Редкое везение! – театрално воскликнул Виктор. – Да что я буду делать на этом вашем Черном море? Ракушки собирать? На маяке дежурить?

– Что и всегда, – спокойно сказала Ольга, – шпионить.

Виктор осекся. Он даже сделал вид, что оскорбился. Но ненадолго. Речь шла о деловом предложении, и эмоции тут существенной роли не играли. К тому же кто сказал, что шпион – подлец, а разведчик – герой? Если подумать, это одно и то же.

– Ольга Петровна, не считите меня неблагодарным, но мне совершенно не хочется переезжать. Ни на Черное, ни на Белое море. Даже на Красное я бы только на недельку съездил. У меня здесь налаженный быт, подруга.

– Настоящие подруги в Сибирь за своими мужчинами, как известно, ездили. А тут Черное море. Она только спасибо скажет.

– Допустим. Но это так дико звучит: поезжай шпионить. Ваша лаконичность меня очаровывает, но все же хотелось бы получить больше информации. Зачем? За кем?

– Разумеется, за турецкими субмаринами, – серьезно сказала Ольга. – Граница нашей Родины должна быть на надежном замке. Гражданская инициатива в помощь военным. Не маленький, сам понимать такие вещи должен.

Виктор изумленно уставился на нее.

– Видишь ли, мне захотелось послужить не только семье, но и стране. Приходит время, когда каждый человек должен внести, так сказать, свой вклад в величие Родины.

Изумление Виктора достигло той высоты, при которой человек не замечает, что у него открылся рот.

– Рот закрый, – засмеялась Ольга Петровна.

– Фу, слава богу, а то я прямо испугался за вас, думал, что вы с ума сошли, – чистосердечно признался Виктор.

Эта шутка разрядила атмосферу, и из переговорного тупика они вышли на широкий проспект дипломатического торга.

– Виктор, давай так: я предлагаю тебе нормальную работу под руководством нескандального начальника. В твои обязанности будет входить коммуникация с представителями местных органов власти, решение разных вопросов, в чем тебе нет равных. Работа непыльная, как ты и любишь. От тебя мне нужна сушая малость. Если твой начальник начнет уводить собственность в разные карманные фирмы или какими-то другими способами ее пилить, ты мне мигни. Словом, прояви бдительность по сохранению собственности в целостности. И все. Согласись, это легче, чем выслеживать турецкие субмарины. К тому же я не уверен, что они у них есть.

– Я бы с радостью, – вздохнул Виктор. – Но, госпожа Ольга, не велите казнить. Вынужден отказаться. Мне и тут неплохо.

Он дерзко посмотрел ей в глаза.

– Ну что ж. Свободному человеку свободный полет. – Ольга встала.

Аудиенция подошла к концу. Виктор с явным облегчением поспешил на выход. По дороге он продолжал разглагольствовать.

– Удачная у вас квартира, Ольга Петровна. Рискую прослыть противником материализма, но в каждой квартире есть своя аура, уникальный дух. Помните, как у Булгакова? Нехорошая квартира на Большой Садовой. А у вас хорошая квартира. Здесь легко дышится. И разговоры всегда приятные.

– Спасибо, дорогой. – Ольга подала ему рожок для обуви. – Кстати, о приятных разговорах. Тут на днях меня Тихон Ерофеевич брал с собой на день рождения одного влиятельного лица. Там тоже приятные разговоры велись. О вашем ведомстве в том числе.

Виктор застыл с рожком в руке.

– Какие разговоры?

– Я же сказала, приятные.

– Про наше ведомство?

– Да.

– Что-то существенное?

– Не особо вникала. Уже и не помню.

– Может, вспомните?

– Зачем? – Ольга открыла входную дверь. – Ну все. Привет подруге.

Виктор постоял, потоптался и прикрыл дверь рукой.

– Ольга Петровна, я вас внимательно слушаю.

Она испытующе посмотрела на него.

– Виктор, я не оракул, но, похоже, у вас грядут сокращения.

– Это серьезно?

– Конечно нет. Для вида кого-то куда-то передвинут, все как обычно. Уволят для галочки буквально пару человек.

Ольга выждала красивую, полную интриги паузу.

– И что-то мне подсказывает, что в числе этих людей будешь ты, дорогой мой Виктор. Я так поняла, что ты очень ценишь свободу, вот я ее тебе и подарю. Совершенно бесплатно.

Возвращаясь в комнату, она даже не оглянулась. Зачем? И так понятно, что Виктор идет следом.

– Итак, сокращение по случаю реорганизации вашей конторы или прекрасная работа на Черном море. Мне крайне любопытно, что же ты предпочтешь? – спросила она, даже не оборачиваясь.

– Я же говорил, что мы живем в мире победивших дихотомий. Секс или пиво? Безработица или черноморские закаты? При такой постановке вопроса ответ очевиден, – Виктор пытался балагурить, но было видно, что он едва не плачет. – Я выбираю море.

– Неожиданный выбор, – усмехнулась Ольга. – Ладно, иди, обрадуй подругу.

Она жестом показала, что хочет остаться одна.

– Слушаюсь и повинуюсь, госпожа Ольга.

Виктор исчез, послав на прощание улыбку, в которой в правильных пропорциях смешивались рабочие отношения и личная симпатия к Ольге Петровне.

Закрыв за ним дверь, Ольга поздравила себя с ожидаемой победой.

Теперь у Петухова будет соглядатай. Как говорится, береженого бог бережет. Если у Антона, так кажется его зовут, созреет коварный план, Скунс выпустит сигнальную струю удушливой вони, и Тихон примет меры по недопущению поползновений на свою собственность.

Увы, российский рынок так устроен, что чиновник вынужден притворяться бесребреником. По законам жанра до некоторых пор собственность Тихона будет принадлежать Петухову. «Интересно, а где-нибудь в живой природе петухи встречаются со скунсами?» – подумала Ольга. И тут же отмахнулась от глупой мысли. Она была не биологом, а стратегом.

Виктор и Влада

Ничто так не украшает мужчину, как уверенный взгляд из окна дорогого автомобиля.

Виктор стремился к этому долгие годы. Совсем недавно он купил дорогую машину, осталось приобрести соответствующий взгляд. Казалось, что до желаемого образа осталось рукой подать. Но звонок Ольги Петровны спутал все карты.

Виктор возвращался от «госпожи Ольги» в подавленном состоянии. Как он сообщит Владе, с которой жил последний год, о необходимости переезда в дыру, на Черное море? Она девушка с ногами от коренных зубов. Такие должны купаться как минимум в Средиземном море. А он? Разве он не заслужил того же?

Как долго и упорно он шел к своему нынешнему благополучию! И теперь должен всем пожертвовать ради новой прихоти Ольги Петровны. Будь она трижды проклята! Таким, как она, судьба все преподносит на блюдечке с голубой каемочкой, а он собирал свой успех по крупицам.

Баюкая свое горе, Виктор погрузился в воспоминания. Кажется, это было только вчера: томительные годы обитания в съемной квартире, где он лечил душу мечтами. Закрывшись в совмещенном туалете, он изображал перед зеркалом мужчину, который небрежно разглядывает трехдневную щетину, прикидывая, стоит ли побриться перед вечерним светским мероприятием. Упирая язык в правую щеку, он рассматривал щетину с прицелом на каннский кинофестиваль. Затем переходил к левой щеке и размышлял о скачках в Монте-Карло. Не определившись с этим сложным выбором, он дарил своему изображению великодушную ухмылку уставшего от радостей жизни человека, спускал воду в унитазе и покидал туалет.

И сразу жизнь меняла окраску. За порогом туалета простирался узкий коридор, ведущий в захлавленную комнату. Вещи принадлежали хозяйке квартиры, поэтому не подлежали выбросу. Хотя ближайшая помойка давно мечтала получить этот хлам в свои объятия.

Квартира, которую снимал Виктор, находилась в Коммунарке, в так называемой Новой Москве. Хотя жители старой Москвы продолжали считать эту местность Подмосковьем, высокомерно наплевав на административные перекраивания карт. Коммунарка приобрела печальную известность благодаря тому, что там располагалась больница, принявшая на себя первые волны ковида. Есть места, в которых отметились писатели или поэты, а пристанище Виктора ассоциировалось у всех с болезнью. Даже неудобно было сказать друзьям: «Приезжайте ко мне в Коммунарку». Все равно, что пригласить на Колыму. В ответ он получал неизменное: «Нет уж, лучше вы к нам».

Много лет назад Виктор приехал в Москву, ободранный как липка после кровавого развода. Все, на что он мог рассчитывать, это снять квартиру в Коммунарке.

Нельзя сказать, что в браке удалось нажать внушительное благосостояние, но что-то все же у него было. Квартирка, дачка, мебелишка. Именно так называлажитое имущество его жена, профессиональная домохозяйка. Она всегда пользовалась уменьшительными суффиксами для обозначения того, что сделал муж. Потом она и его обозначила как мужчинку, после чего развод стал делом времени. Когда это случилось, Виктор испытал облегчение и решил, что пришла пора делить имущество. Эта мысль показалась жене дикой. Она сразу перешла на язык жестких требований и впилась зубами в квартиру, дачу и мебель. Уменьшительные суффиксы неожиданно ушли из употребления.

Виктор женился не с бухты-барахты. Он целился в высшее общество. Помимо подобия любви, его влекло к жене восхищение перед ее отцом, прокурором, который так бдительно охранял законность, что жизнь отблагодарила его благосостоянием, которого хватило бы внукам и правнукам. После развода тесть занял однозначную позицию: мужчина должен уходить

от бывшей жены в одних трусах. И плевать на закон. Ну ладно, пусть оставит себе еще и носки. А мнение прокурора в судебных коридорах приравнивалось к закону.

Так Виктор в трусах и носках вышел на новый жизненный виток. Списав былое на ошибку молодости, он начал все заново. Рванул в Москву, которая кажется провинциалам территорией неограниченных возможностей. Там снял квартиру в Коммунарке и нашел работу. Начало было положено. Но быстро выяснилось, что это не виток, который по спирали устремлен вверх, а замкнутый круг. И он, Виктор, не покоряет Москву, а как ослик крутит тяжелое мельничное колесо. Только мелет он не муку, а превращает в труху свои годы.

В этом понуром состоянии он прожил года два, пока судьба не решила угостить его конфеткой.

Их фирма выкупила крохотный пяточок выставочного пространства на экономическом форуме. Руководство решило, что на фоне баннера должен дежурить Виктор, привлекая потенциальных покупателей. Дескать, у Виктора представительная внешность и хорошо подвешенный язык. Про ум и профессионализм не вспомнили, что немного огорчило Виктора. Но печаль быстро отступила, как только он узнал, что на форуме будет работать кофемашина, заливающая офисный планктон бесплатным кофе.

Он не забудет тот день: по павильону, как ветер, пронесся шум приветствия, и проход моментально очистился от случайных людей. Не спеша, изображая внимание к представителям бизнеса, по проходу шла группа важных персон. Даже издали было понятно, что это чиновники высокого полета. Они несли себя гордо, как соль земли русской. Шли с обязательным соблюдением иерархии, на полкорпуса уступая дорогу тем, у кого больше кабинет. Никто не преграждал им путь, потому что рассыпать соль, как известно, к ссоре.

Среди них были женщины. Кого-то Виктор даже смутно узнал по новостным передачам.

Одна из женщин, немолодая и полноватая, показалась ему чужеродным элементом. У нее был живой и цепкий взгляд, что плохо монтировалось с эстетикой чиновничьего мира. Виктор разглядывал женщину и вздрогнул, когда она, встретившись с ним взглядом, подмигнула ему. Совсем как пиковая дама Германну.

Вечером был фуршет, напоминающий кормление голубей на площади Святого Марка. Море птиц, которым разбрасывают корм, чтобы сделать удачные фотографии. По проходам павильона серпантинном вились столики, на которых стояла закуска в виде кусочков сыра или оливок, пригвожденных к хлебу пластмассовыми шпажками. Официанты разносили подносы с бокалами шампанского.

Виктор почти не удивился, когда рядом оказалась та самая женщина. «Пиковая дама», как он ее для себя назвал, без церемоний подошла к нему и первая начала разговор:

– Мне кажется, нам пора познакомиться.

– Виктор, – представился он.

Она в ответ не назвала своего имени, а только спросила:

– Скажите, Виктор, в чем ваша уникальность?

Нужно было отвечать. Срочно. Времени на размышление не было. Если бы Виктор взял паузу на придумывание эффектного ответа, то сказал бы про креативность, эмпатию и разные подобные штуки, чтобы набить себе цену. Но, к счастью, времени подумать у него не было. От волнения он сказал правду.

– Преданность.

– Это хорошо, – ответила она. И добавила с усмешкой: – Гораздо лучше, чем креативность и эмпатия, на которых все помешались.

Она достала из сумочки визитную карточку, вручила Виктору и попросила позвонить через пару дней, когда «закончится этот шалман». На визитке было написано «Ольга Петровна, частное лицо».

Через месяц благодаря этому частному лицу он работал в одной влиятельной госструктуре и бдительно следил за тем, чтобы имя Тихона Ерофеевича там не поминали всуе.

Поначалу Виктор стеснялся быть осведомителем, почти стукачом, но потом свыкся с этой ролью. Ему за нее хорошо платили. Размер вознаграждения имеет значение. Продавать шефа за тридцать сребренников, конечно, стыдно. А за тридцать золотых? Нет, конечно, госпожа Ольга никогда не унижала его денежной подачкой. Она лишь решала вопросы, благодаря которым он рос по службе.

С приходом Ольги Петровны жизнь Виктора стала стремительно меняться к лучшему. Вскоре он съехал с квартиры в Коммунарке, плюнув напоследок на продавленный диван. Переехал в элегантную квартирку ближе к центру. Примерно в районе третьего автомобильного кольца. Не роскошно, но уже прилично.

Тогда же в его жизни появилась Влада, девушка с необычным именем, длинными ногами и практичным взглядом на мир.

Они познакомились в ресторане. Виктор зашел на бизнес-ланч. За соседним столиком обедали две девушки. Они шумно спорили и много смеялись. Виктор поморщился. И тут до него долетела отчетливая фраза: «Если мужчина перспективный, то его и в одних трусах принять можно». Виктор был согласен на все сто. Он сам когда-то был в одних трусах, правда, еще и в носках. Эти ностальгические воспоминания расположили его к девушкам. Одна из них понравилась ему, она явно затмевала подружку. И он решил, что если про трусы сказала именно она, то он пригласит ее или в театр, или в кино, или в постель. По обстоятельствам. А если не она, то просто выразит им симпатию.

– Девушки, не сочтите за труд повторить умную мысль про трусы. Кто, кстати, из вас ее высказал? – начал он без обиняков.

– Допустим, я, – сказала девушка, которая ему больше нравилась.

Так решился вопрос с выбором подружки.

Влада оказалась вполне пригодной для совместного проживания. Она не раскидывала свои вещи и не пилила Виктора за то, что он всюду разбрасывал свои. Но главное, она живо интересовалась его делами. Как и многие жены, она спрашивала: «Что у тебя на работе?» Но, в отличие от многих жен, ее действительно интересовал ответ.

Влада не просто помнила имена-отчества его сослуживцев, но знала их дни рождения и всегда умела услужить их женам. Кому-то через мужа передавала росток бегонии, кому-то доставала телефон проверенного массажиста. Она пребывала в уверенности, что миром правят женщины, которые используют мужчин как проводников своих желаний. К феминисткам она относилась с презрением, как к неразумным существам, не понимающим устройство мира.

И хотя она приняла Виктора, когда на нем кроме трусов и носков был приличный костюм, и даже имелись квартира и машина, Влада считала, что все впереди.

Живя в Москве, достаточно прогуляться по центру, чтобы горизонт мечтаний отодвинулся в светлую даль. Но мечтать можно по-разному. Когда мимо проезжает «Майбах», почти все женщины думают: «В другой жизни у меня будет такая же машина». В этот момент они становятся стихийными буддистками, верящими в перерождение душ. Но единицы иначе подходят к вопросу: «Блин! Ведь для кого-то делают такие машины. Почему не для меня?» Они не согласны зарезервировать мечту для другой жизни, которая, как они догадываются, никогда не наступит. С буддизмом они не в ладах. Им нужно все и сразу. Здесь и сейчас. Влада была из числа таких женщин.

Положение Виктора ее не устраивало. Он имел хорошую зарплату и стабильную работу, и именно это огорчало Владу до слез. Если бы ему мало платили, то он вынужден был бы куда-то двигаться, менять работу. А так он медленно, но верно становился камнем, под который вода не течет.

В отличие от большинства женщин, которые приравнивают неизвестность к несчастью, Влада воспринимала неопределенность как шанс, как пустоту, которую можно заполнить всем, чем пожелаешь. Жизнь воспринималась ею не как калач, который тебе вручает судьба, а как тесто, из которого можно слепить все, что угодно.

Влада перебирала фотки друзей в соцсетях и удивлялась, насколько у людей штампованные представления об успехе. Даже сравнительно неглупые из них попали в воронку Бермудского треугольника, гранями которого стали еда, поездки и дети. Бьются головами об эти грани и радостно выкладывают в Сеть свои ушибы. Быть с ними в одной упряжке не хотелось. По этой причине Влада никогда не размещала ничего в социальных сетях, а лишь листала эту книгу дешевого благополучия, копя внутри раздражение на свою жизнь и на Виктора, которого все устраивало.

Ее бесило, когда он радовался крохам.

– Меня должны включить в состав делегации по обмену опытом с американскими коллегам. Представляешь, две недели колесить по Штатам.

– В Америку на свои деньги ездить надо.

– Ага, при нашем-то курсе рубля.

– Значит, надо больше зарабатывать.

В ответ он процитировал ей кумира своего детства Агнию Барто:

– Я тоже многого хочу, но мама спит, и я молчу.

Вот это его «хочу, но молчу» и бесило Владу. Ей хотелось убить и старушку Барто, и маму-библиотекаршу, которая читала сыну неправильные книжки.

Конечно, Виктор идет в гору, будут новые назначения и новые возможности. Но это все мелко. Это как в детской игре, где бросаешь кубик и делаешь определенное число шагов. Если шагать по кружочкам, то вряд ли выиграешь. Нужно наступить на такой волшебный кружок, который, как трамплин, сразу перебросит тебя на много шагов вперед. Должна попасться некая мина счастья, которая рванет и отбросит тебя в новое качественное состояние. Виктор радостно, как стойкий солдатик, топает вперед. Влада же понимает, что без разрывной волны, которую называют удачей, им не победить.

Как жаль, что в детстве Виктор разминулся с играми, где нужно было бросать кубик. Его мама работала библиотекарем, поэтому он играл в слова, отгадывал кроссворды и учился строить красивые фразы с массой причастных и деепричастных оборотов. Этим он овладел в совершенстве. Все-таки игры, в которые мы играем в детстве, многое определяют.

В коридоре раздался звук проворачиваемого ключа. Сейчас Виктор, как обычно, зайдет в комнату с радостным лицом человека, у которого жизнь удалась. И ей снова захочется плакать. Потому что сподвигнуть на что-то человека, который имеет такое лицо, не может никто. Даже Влада.

Но Виктор появился на пороге в явно подавленном виде. Он подсел к ней на диван и виновато сказал:

– Привет, дорогая. Нам надо поговорить. Кажется, я тебя подвел.

– Ты изменил мне с моей подругой? – Влада знала, что серьезный разговор всегда лучше начинать с шутки.

– Хуже.

– Что может быть хуже?

Виктор набрал воздух и сказал фразу, которую заготовил заранее:

– Обстоятельства складываются так, что мне придется поменять работу.

Влада затаила дыхание, боясь спугнуть удачу.

Повисло молчание.

Виктор подбирал слова, чтобы подготовить Владу к переезду.

– В сущности, мы все знаем, что живем в век перемен, но, когда они случаются, оказываемся к ним не готовыми. Человек воспринимает любые перемены в негативном ключе, хотя порой они оказываются к лучшему. Интуитивно мы противимся переменам. Стремление к покою зашито в нас на генетическом уровне. Но человек должен периодически выходить из зоны комфорта, иначе он не увидит новые горизонты. Разве не ты мне это говорила?

– Главное, не забыть, через какую дверь вышел, а то назад не войдешь, – трезво заметила Влада. – Я пока мало что поняла. Тебя уволили?

– Нет, но могут.

– В каком смысле?

– Понимаешь, по совокупности обстоятельств мне лучше уйти самому. Не дожидаясь, так сказать.

– Ты проворовался? – с надеждой спросила Влада.

– Нет, что ты! – замахал руками Виктор. – Просто мне предложили другую работу, и если я ее не приму, то меня могут уволить, точнее сократить.

– То есть тебе сделали предложение, от которого ты не можешь отказаться?

Виктор затравленно кивнул.

– И что же тебе предложили?

– Помощник широкого профиля на... элеваторе... на Черном море. – Виктор закрыл лицо руками, как будто боялся, что в него сейчас плюнут.

Но Влада не плюнула. Она задумчиво смотрела на него.

– Точно Черного? Не Белого? – наконец спросила она.

– Издеваешься?

– Интересуюсь.

– Чернее не бывает, – обиженно подтвердил Виктор.

– И зачем элеватору понадобился ты? Человек, который рожь от пшеницы отличить не может.

– Во-первых, могу. У меня в детстве была прекрасно иллюстрированная энциклопедия. А во-вторых, там нужно будет отличать не рожь от овса, тьфу, от пшеницы, а следить за сохранностью собственности.

– Не поняла. Ты же не... – Влада чуть было не сказала «прокурор», но вовремя остановилась. С учетом жизненного опыта Виктора упоминание о прокуроре в их доме не приветствовалось.

– Странная работа, – недоуменно пожала плечами Влада.

– Ничего особо странного. Бизнес – дело тонкое. В сущности, это не то, о чем пишут в книгах типа «Делай бизнес как мы, делай лучше нас». Это пространство, где переплетаются разные интересы, и все стороны хотят иметь дополнительные гарантии соблюдения неких договоренностей, которые, разумеется, не прописаны в контрактах. Вообще в российском бизнесе самое важное не попадает в контракты, – уклончиво ответил Виктор.

– Так ты... того?

– Что того?

– Ну... будешь следить за соблюдением интересов?

– Судя по всему, буду.

Влада помолчала, собирая мысли и подбирая для их выражения слова. Наконец она сформулировала вопрос максимально конкретно:

– Виктор, тебе предложили роль тайного осведомителя?

Он стыдливо кивнул.

Влада отвернулась к окну.

Виктор не видел ее лица. Он решил, что она прячет слезы. Еще бы! Уехать из Москвы в тьмутаракань, а так он называл все, что не помещалось в границы Москвы, да еще с человеком,

согласившимся на позорную роль осведомителя, – это удар. И ведь она не жена ему, чтобы покорно разделить участь мужа. Каково ей? Откажется ехать? Как уговорить? Он привык жить с ней и отвыкать от этой привычки совсем не хотел. Более того, он ее любил.

Влада повернулась к нему.

– Когда едем?

– Ты... серьезно?

– Вполне. Засиделись мы с тобой тут.

Виктор благодарно обнял подругу. Заметив, как преобразилось ее лицо, он решил, что так выглядели жены декабристов, согласившиеся сопровождать мужей в Сибирь. Виктор слишком много читал книг, поэтому ничего не понял. Книги ведь притупляют не только зрение, но и здравый смысл.

У Влады было лицо игрока, которому довелось наступить на кружок, с которого открывается путь на много шагов вперед.

На новом месте

Квартиру для генерального директора и владельца элеватора Антона Петухова нашли через агентство, которое обслуживало клиентов премиум-класса. Прочим категориям граждан такие квартиры не полагались, точнее, были не по карману. Просторная, обставленная с изысканием, замешанном на хорошем вкусе и деньгах, с окнами от пола до потолка, откуда открывался вид на морскую гладь.

Когда Антон переступил порог новой квартиры, то понял, что прежние годы он жил в сарае. Хотя никогда этого не ощущал. Но контраст безжалостно требовал назвать московскую квартиру сараем. Одного взгляда на отделку и мебель было достаточно, чтобы поверить, что дизайнер – это тоже профессия, а не легенда для девушек при знакомстве в ночных клубах.

Дети, не умея ценить прекрасное, шумно начали занимать свои комнаты. В отличие от них, Антон и Лена продвигались в глубь квартиры медленно, осторожно, как будто боялись спугнуть мираж. Они трогали статуэтки, проводили руками по стенам, оглаживали дверные ручки. Они напоминали слепых. Счастливых слепых.

– Вот видишь, – сказала Лена. – А ты не верил.

– Во что я не верил?

– Не во что, а в кого. В себя.

Лена имела в виду то, что весь период, пока шли торги за элеватор и оформлялись права собственности, Антон ходил с видом человека, который непрерывно щиплет себя, чтобы проснуться. Если бы сделка сорвалась, Антон, пожалуй, только обрадовался бы. Но все прошло настолько легко и быстро, что именно про такие ситуации говорят «без сучка, без задоринки».

Правда, сначала на торги вышла какая-то шальная фирма, которая не поняла ситуацию и тоже попыталась участвовать в аукционе. Пришлось изыскивать технический повод остановить торги. Затем Тихон Ерофеевич встретился с представителем этой фирмы и нашел аргументы в пользу того, что так делать не следует. После чего продажа возобновилась, но желающих за пять копеек купить элеватор, кроме фирмы Антона Петухова, больше не нашлось. Ну, а раз нет конкурентов, то и роста цены нет. Сделка совершилась.

Элеватор выплыл из гавани государственной собственности на рыночный простор. На капитанском мостике стоял Антон Петухов, а роль заботливого лоцмана, прокладывающего путь к берегам изобилия, взял на себя Тихон Ерофеевич. Ничто не предвещало шторм.

Однако Антон продолжал щипать себя, проверяя, не сон ли это.

– Что нос повесил? – дежурно шутил Тихон Ерофеевич.

– Да нет, я ничего. Просто у меня строение лица такое, – оправдывался Антон, – не обращайтесь внимания.

– Лицо – это вообще ни о чем. Спрашивать буду по банковским выпискам, – смеялся довольный шеф.

Если Антон нервничал и сомневался, справится ли с вверенным ему бизнесом, то его жена, Лена, имела вид человека, который наконец-то получил заслуженное. Она без ложной скромности приписала элеватор и новую квартиру своей неустанной заботе по прочищению Антоновых чакр. Уж если ей удалось вылечить его от заикания – а со временем возобладала именно такая версия случившегося в тибетском ашраме – то уж изменить рисунок его судьбы она тем более сможет.

Долгими ночами Лена перерезала воображаемыми ножницами нить, связывающую Антона с невезучестью. Медитативная техника требовала, чтобы невезучесть предстала перед мысленным взором как что-то конкретное, осязаемое. Лена представляла себе невезучесть мужа как груды камней, которыми торгуют на строительном рынке. Неудивительно, что после

такого перерезания, осуществляемого силой мысли, Лена покрывалась потом, как от таскания тяжестей.

Впрочем, Лена не пренебрегала и простыми, проверенными временем способами. На прикроватной тумбочке у изголовья Антона всегда сидела деревянная лягушка с зубчатой спиной, по которой надо было водить палочкой, извлекая противный рваный звук. Как известно всем посвященным в тайное знание, этот звук приманивает деньги. Их отсутствие Лена связывала лишь с тем, что Антон сильно уставал на работе и забывал перед сном тридцать три раза провести палочкой по загривку лягушки.

То, что удача наконец-то повернулась лицом к Антону, Лена сочла закономерным результатом своих стараний. Другими словами, наконец-то количество ее трудов перешло в качество их жизни. Именно так Лена восприняла новость про эlevator, море и новую квартиру. Технические детали прошли мимо нее. Муж не посвящал ее в сценарий грядущей передачи объекта в руки Тихона Ерофеевича.

Только один раз, когда жена совсем уж неприлично раскатала губу, мечтая о разделении собственности с будущими зятьями, Антон туманно сказал:

– Это вряд ли.

Сколько ни тормозила его Лена, он так и не обосновал свой пессимизм. Это «вряд ли» не понравилось Лене. Значит, ей предстоит еще много работы по укреплению веры Антона в свой предпринимательский гений.

Наметив цель, Лена ударила по ней из всех орудий своих многочисленных чакр. Неуверенность Антона она представила себе в виде непропеченного хлеба, а себе отвела роль духовки, которая должна довести этот невнятный продукт до состояния золотистого каравая. И вот тогда они все вместе, дружной семьей, вопьются в него зубками и разорвут каравай в клочья. Так они покончат с неуверенностью Антона в собственных силах. Лена стала медитировать, распаяя в себе внутреннюю духовку.

Она отказалась от частной практики, полностью сконцентрировалась на муже. Да и в деньгах они теперь не нуждались. У Антона был хороший директорский оклад. Став обеспеченной женщиной, Лена послала в самостоятельный полет всех своих клиентов, написав проникновенный пост в блоге, что только собственными силами мы можем превратить ковер своей жизни, по которому все топчутся, в ковер-самолет.

Тем временем Антон входил в курс дела. Он имел техническое образование, и поэтому все, что касалось устройства элеватора, довольно быстро перестало вызывать у него вопросы. Тем более что вместе с элеватором «купили» трудовой коллектив. Технологи, механики, разнорабочие честно делали свою работу. Проблемы если и возникали, то так или иначе решались, и Антон по этому поводу не особо переживал.

Труднее ему давалось взаимодействие с региональной властью. Только сейчас он в полной мере оценил мудрость городничего из гоголевского «Ревизора». Там, помнится, кто-то помянул государство, на что городничий откровенно заметил: «Отсюда хоть три года скачи, ни до какого государства не доскачешь». Антон все чаще, выходя из разных кабинетов, повторял про себя эту фразу. Он готов был под ней подписаться.

В очередной раз, запутавшись в ответе какого-то местного чиновника на простой вопрос о возможности субсидированного кредитования, Антон окончательно признался себе, что он к таким диалогам не пригоден. Он не мог разгадать ребус, когда на все его вопросы чиновник отвечал «да», а в итоге получалось как бы «нет». При этом чиновник тупил взор и нежно краснел. Антон вышел от него в полном изнеможении. Не выдержал, позвонил Тихону Ерофеевичу:

– Сил моих нет по кабинетам ходить, вопросы решать. Мне проще самому вместо лопастей зерно переворачивать.

– А ты думал! Это целая наука!

– Я в ней не силен, – честно сознался Антон.

– Овладевай! Я же не могу из Москвы все твои текущие вопросы решать.хлопотно, да и подозрительно. Для всех ты единоличный собственник элеватора.

Тихон Ерофеевич представил, как повисший нос Антона опустился еще ниже.

– Ладно, не дрейфь. Кинь клич, дай объявление. Найди себе кого-нибудь в помощники по взаимодействию с органами власти. Это нормальная практика.

Вечером Тихон Ерофеевич перезвонил сам.

– Я тут подумал. Ваши местные кадры – это вообще ни о чем. Они все с местными чиновниками в непонятных отношениях. Могут групповым образом тебя поиметь.

– Что могут сделать? Простите, не расслышал.

– Изнасиловать. Слышно?

– Да.

– Давай так: пиши набор квалификационных требований, и мы разместим вакансию в приличном кадровом агентстве. Здесь, в Москве. Найдем что-нибудь стоящее.

– А поедут из Москвы?

– Посмотрим. Разные обстоятельства у людей бывают. Короче, кидай мне, я тут сам кадровое агентство найду. Ну все, береги мой элеватор, – многозначительно попрощался Тихон Ерофеевич.

Антон был счастлив. Скинуть с себя такой груз – редкая удача. Как бы он, человек не местный, искал здесь нужного специалиста? По пляжу с табличкой ходил? В чебуречных объявления расклеивал? А в Москве найти кого угодно можно. Столица набита теми, кто умеет говорить с чиновниками на понятном им языке, кто понимает, почему тот потупился или покраснел. Вот и славно, вот и хорошо!

Тихон Ерофеевич тоже пребывал в приподнятом настроении. Он вообще любил, когда все происходит так, как он задумал.

– Оль, – набрал он номер сестры, – пусть твой человечек пишет резюме. Клиент созрел!

– Наконец-то, – ответила Ольга. – Долго же твой Антон не сдавался. Упорный он парень, как я погляжу. Господи, ну когда уже эти бизнесмены поймут, что в действительности все не так, как на самом деле.

Они посмеялись заковыристой шутке, в которой была лишь доля шутки.

Осталось найти карманное кадровое агентство, которое за соответствующее вознаграждение подберет на должность помощника правильного человека. Ольга заранее знала, что этого человека будут звать Виктор. Как там его? Фамилия вылетела из головы, она привыкла использовать прозвище. «Скунс не подведет», – тепло подумала она.

Тихон Ерофеевич не интересовался такими подробностями. Он полностью доверял сестре.

Собеседование

И не зря. Уже через неделю на электронный адрес Антона Петухова пришло письмо из Первого кадрового агентства. В письме сообщалось, что по его заявке, которой был присвоен статус «срочная», проведен предварительный отбор. Агентство рекомендует трех кандидатов на вакантную должность. Окончательный выбор за заказчиком, то есть за господином Петуховым. Он может приехать в Москву и провести личную встречу с кандидатами. Может пригласить их к себе, оплатив им дорогу. Или же провести собеседование дистанционно, в духе времени, так сказать, по зуму.

Антон выбрал зум. Он не успел соскучиться по Москве, чтобы срываться ради такого ничтожного повода. Тратиться на то, чтобы кто-то на халяву посетил Черное море в бархатный сезон, он тоже не собирался. В нем просыпалась скаредность собственника. Экономя деньги и время, он без колебаний выбрал зум.

Первый претендент произвел впечатление человека, у которого с головой большая проблема. На все вопросы он отвечал долго и обстоятельно, но смысл каждый раз загадочным образом ускользал от Антона. «Может в этом и состоит профессионализм специалиста по взаимодействию с властью?» – грешным делом подумал Антон. Он пытался прищучить кандидата максимально конкретными вопросами, но тот все равно выскальзывал на простор абстрактных рассуждений. Антону стало даже интересно.

– Вы женаты? – спросил он, мстительно загоня того в ловушку однозначного ответа.

– Смотря что понимать под словом «брак», – ответил первый кандидат. – Прежде чем ответить на ваш вопрос, разумно дать определение понятию «брак».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.